

Борьба за рабочий контроль на предприятиях Петрограда

Д. Мандель 2006 г.

ШКОЛА ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ НА ЗАВОДАХ ПЕТРОГРАДА

**или почему на самом деле в 1917 году было
две революции и можно ли из этого опыта
извлечь уроки для сегодняшнего дня?**

Д. Мандель

2006

Предисловие ко второму изданию

Сегодня широко преобладает мнение, что Октябрьская революция положила начало отклонению России от естественного пути капиталистического развития, что социалистическая революция была жестоким экспериментом над народом, проводимым бандой жаждущих власти фанатиков, вдохновляемых утопической теорией Маркса. По этой версии, в октябре 1917 года темные народные массы слепо шли за большевиками, сулящими им молочные реки и кисельные берега. Одна из целей настоящей брошюры - проверить на основе документальных источников эту версию истории, сосредоточив внимание на жизни предприятий Петрограда, промышленного и политического центра тогдашней России.

Изучение движения за рабочий контроль на предприятиях помогает понять, почему трудящиеся, которые низвергли царя в феврале 1917-го года, совершив (с поддержкой солдат - крестьян в военных шинелях), как они понимали, буржуазно-демократическую революцию, в течение последующих нескольких месяцев пришли к выводу, что надо ограничить экономическую власть собственников. (Что надо ограничить политическую власть этой буржуазии как реакционной силы, они понимали с первых дней революции и даже раньше.) Изучение движения за рабочий контроль также помогает понять, почему вскоре после Октября, трудящиеся решили взять эту власть полностью в свои коллективные руки.

Фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) и их борьба за рабочий контроль зародились снизу - как ответ на угрозу массовой безработицы и контрреволюции. Движение за рабочий контроль представляло собой попытку не допустить экономического краха, защитить рабочие места и тем самым самую революцию против наступления имущих классов

(буржуазии и помещиков), стремящихся “костлявой рукой голода” подавить ее.

Никакой другой аспект революции не показывает столь убедительно ключевую роль, которую сыграли в ней творчество и инициатива рядовых тружеников. Октябрьская революция не была “народным бунтом, жестоким и бессмысленным”, а была вполне рациональной реакцией трудящихся людей, которые верили в свою коллективную силу и встали на защиту своего гражданского достоинства. Этих качеств сегодня, к сожалению, очень не хватает народу, хотя угроза над ним висит не менее страшная.

Поражает также политическая зрелость трудящихся далекого 1917 года. Они быстро поняли, что спасти свои предприятия они не смогут изолированными действиями отдельных коллективов. На отдельно взятых предприятиях не хватало у трудящихся сил подчинить администрацию своему контролю. Не хватало и финансовых и материальных ресурсов для поддержки производства на отдельных предприятиях. Рабочий контроль надо было сочетать с общегосударственным регулированием экономики. А для этого надо было создать народную власть в лице демократических, подконтрольных народу советов.

Удивительно, что почти сто лет назад в России трудящиеся посмели поставить перед собой такую задачу. А сегодня рядовой труженик, если вообще думает о политике, мечтает лишь о такой власти, которая не так уж жестоко будет его обдирать и угнетать, хотя эта мечта едва ли сбудется при нынешних общей пассивности и равнодушии.

Еще поражает классовая независимость трудящихся 17-го года. На всех выборах они голосовали исключительно за кандидатов левых, социалистических партий, почти никогда - за кандидатов либеральных или более правых партий, защищавших интересы имущих классов. На предприятиях фабзавкомы проявляли готовность сотрудничать с

администрацией во имя поддержки производства и защиты рабочих мест, но они при этом никогда не забывали, что интересы администрации (как представителя собственников) и интересы фабзавкомов (как представителей эксплуатируемых трудящихся) в корне расходятся. Фабзавкомы прекрасно видели стремление начальства использовать их как прикрытие для “непопулярных” решений против интересов трудящихся. Поэтому они требовали полного доступа к документам и к иной информации о предприятии как условия сотрудничества.

Сотрудничество было допустимо, но только с независимых классовых позиций, исходя из интересов трудящихся. Как далеко это от политики “социального партнерства”, практикуемой нынешними “традиционными” профсоюзами!

В этой брошюре я не претендую на научную “нейтральность”. Когда речь идет об исследовании классового общества, она в любом случае невозможна. Брошюра написана с точки зрения активного ветерана рабочего движения, то есть с вполне определенной классовой позиции. Но она опирается на честный анализ всех доступных мне фактов и на установление взаимосвязей между ними. Расширенная версия этой брошюры была успешно защищена в виде докторской диссертации в Колумбийском университете в Нью-Йорке и впоследствии опубликована академическим издательством.

При работе над брошюрой я не отбирал факты с целью подтвердить заранее сделанные выводы. Насколько можно было, я использовал документальные материалы, исходящие от самих рабочих. В мои источники входят протоколы рабочих собраний, собраний фабзавкомов, петроградских и российских конференций фабзавкомов. Я также использовал документы собраний советов, профсоюзных, партийных и правительственных собраний; отчеты социалистических и буржуазных газет того времени; мемуары, написанные в основном в первые годы после революции, когда еще можно было писать честно о событиях 1917 года (выдержки из всех

этих материалов приводятся *в редакции оригиналов*). В конце концов читателю решать, повлияли ли мои симпатии на анализ.

В заключение я бы хотел поблагодарить Татьяну Савельеву за ее помощь с переводом; Елену Гордееву - за верстку первого издания брошюры и Инну Горбачеву - за редакторскую и корректорскую работу над настоящим вторым изданием.

Давид Мандель

Май 2006 г.

I. ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее характерных черт рабочего движения 1917 года в Петрограде было отсутствие у рабочих чёткого представления о социально-экономическом содержании разворачивающейся революции.

Например, в конце августа 1917 года, когда подавляющее большинство столичных рабочих уже требовало перехода власти от Временного правительства к Советам, и когда на Петроград наступал контрреволюционный генерал Корнилов, поддерживаемый лидерами имущих классов (помещиков и буржуазии), рабочие Старого Барановского машиностроительного завода на своем общем собрании все еще чисто по буржуазно-демократически, без упоминания о социализме, формулировали призыв к оружию:

“С верой в наше светлое будущее, мы высоко поднимаем знамя Свободы – да здравствует Великая Русская Революция! На защиту, товарищи рабочие и солдаты, столь дорогой нам Свободы, от палачей, которые потопили бы ее в крови!”

В этой резолюции не было упоминания даже о более ограниченных социальных задачах революции. И все-таки этот коллектив был одним из самых боевых отрядов “красного” Выборгского района столицы.

Уже в самый разгар Октябрьского восстания на общем собрании рабочие завода резиновых изделий “Треугольник” заявили: *“На первый призыв Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, выйдем на защиту свободы и прочного мира народов”*. Собрание явно поддерживало восстание, но в резолюции опять нет упоминания о социальных задачах новой революции.

Это было характерно не только для рядовых рабочих, но и для лидеров рабочего движения. По этому поводу на Первой Всероссийской конференции фабзавкомов, всего лишь за неделю до восстания, меньшевик Линьков, делегат из Твери, жаловался: *“Для того, чтобы правильно разрешить вопрос о рабочем контроле над производством, нужно раз и навсегда уяснить себе, является ли русская революция социальной или нет. Этот основной вопрос мы всегда ставим перед большевиками, но они обоснованного ответа не дают”*.

Для него, умеренного социалиста, ответ был ясен: *“Мы говорим, что наша революция не социальная, а политическая с социальной закваской, если можно так выразиться, в ней поставлены социальные вопросы огромной важности”*. И для анархиста Жука, делегата от Шлиссельбургского порохового завода, вопрос был так же ясен: *“Мы переживаем социальную революцию”*. Зато большевик Н.Скрыпник, член Центрального Совета фабзавкомов, был менее однозначен: *“Рабочий контроль еще не социализм. Это лишь одна из переходных мер, приближающих нас к социализму”*.

“Что именно хотели сделать большевики с государством? Какую программу осуществить? Я повторяю, что у большевиков не было ни таких планов, ни идей... Только материалы для программы были налицо”. Так писал левый меньшевик, публицист и летописец революции Н.Суханов. *“Социализм есть, как известно, проблема экономическая по преимуществу. Но именно здесь ни Ленин, ни Троцкий не разработали экономической программы”*. И то, что у них было, - продолжал Суханов, - *“не выходило за пределы знакомой нам экономической программы [умеренного, меньшевистско-эсэровского - ДМ] Исполнительного комитета [Петроградского Совета – ДМ] от 16 мая... Для [текстильного магната, министра промышленности во Временном правительстве - ДМ] Коновалова это было равно социализму. Но по существу до социализма тут было еще далеко”*. Правда, - признался Суханов, - контроль *“был центральным пунктом на*

всех рабочих собраниях. Но этот “социализм” был очень застенчивым и скромным. Он шел в другом направлении, но все-таки не дальше, чем правый меньшевик Громан со своим “регулированием” и “организацией народного хозяйства и труда””.

Чрезвычайный съезд Партии большевиков был намечен на 17-18 октября именно для того, чтобы, наконец, принять такую программу. В докладе о намеченном съезде Петроградскому комитету большевиков от 24 сентября Я.Свердлов, член ЦК, признался, что *“нет достаточной ясности экономического вопроса”* и добавил, что *“это причина многих сложностей”*. Объяснил он это тем, что в Петрограде все были перегружены текущей работой и некогда было работать над программой. Планируемый съезд так и не состоялся. В большевистской газете “Рабочий путь” за 6 октября экономист Ю.Ларин заметил, что там, где должна быть экономическая программа, у большевиков только *“пустое место”*.

Но если идеи о социальном характере революции были ещё туманными, сами действия рабочих были, наоборот, как нельзя более однозначными. На многих предприятиях фабзавкомы уже давно выступали с самостоятельными инициативами, вторгаясь в сферу управления вопреки сопротивлению администрации. Требование контроля было выдвинуто “снизу” после Февральской революции – тогда, когда оно еще не фигурировало в программе ни одной из социалистических партий, в том числе и большевиков, хотя рабочие - активисты этой партии с самого начала играли видную роль в фабзавкоммах. После Октябрьского восстания фабзавкомы, опять под сильным давлением снизу, настаивали уже на самой широкой свободе своих действий по отношению к заводской администрации. А в конце января 1918 года на Шестой Петроградской конференции фабзавкомов делегаты от заводов уже требовали от Советского правительства подготовить национализацию их предприятий. К июню этого года вышел Декрет о Национализации.

Таким образом, революция приближалась к новой своей фазе, которую ее лидеры не предвидели. Впоследствии она получила название “военный коммунизм”. Можно сказать, что в следующие после Октября месяцы сознание рабочих не только догнало их практику, но в некоторой степени и перегнало её в том смысле, что централизованный, авторитарный режим, полный нужды периода Гражданской войны и экономической разрухи, многим представлялся как скачок в коммунизм. На самом деле он был прежде всего вынужденным ответом на чрезвычайное положение страны и революции после трех с половиной лет Мировой войны, начала Гражданской войны и иностранной интервенции.

Иллюзия о скачке в коммунизм поддерживалась ещё широко распространённой верой в то, что на развитом Западе зреет социалистическая революция, которая вскоре исправит все перегибы революции в отсталой России. Но с окончанием Гражданской войны и из-за спада послевоенного рабочего движения на Западе изолированность Русской революции становилась все очевидней. Ясно было, что “военный коммунизм” мало (если вообще что-либо) имел общего с коммунизмом.

Как понимали сами рабочие социальные задачи революции 1917 года? Как изменялись их взгляды на протяжении революции? Этот очерк ставит перед собой задачу выяснить эти вопросы.

Уже в первые месяцы после Февраля рабочие стали ощущать опасность экономического краха и вслед за ним — поражения революции. Осознание необходимости сильного государственного регулирования, чтобы предотвратить этот крах, сыграло решающую роль в поддержке, которую рабочие оказали большевикам во второй, Октябрьской революции. Именно благодаря требованию экономического регулирования революция 1917 года вышла из своих первоначально буржуазно-демократических рамок и все больше и больше устремлялась к тем “социалистическим экспериментам”,

которых так боялись меньшевики и социал-революционеры (эсэры).

II. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ЗАВОДАХ

Помимо политических требований — установление демократической республики, скорейшее заключение всеобщего мира без аннексий, раздача земли крестьянам без выкупа — в Феврале рабочие Питера выдвинули целый ряд экономических требований, которые в их понимании являлись составной частью задач буржуазно-демократической революции. В эти требования входили: установление восьмичасового рабочего дня, зарплата, “подобающая свободному гражданину”, и “конституционный режим” на предприятиях.

а. Восьмичасовой рабочий день

Уже во время Революции 1905 года восьмичасовой рабочий день был центральным требованием рабочего движения, одним из так называемых “трех китов” социал-демократии. Любопытно, что как рабочие, так и предприниматели и царская власть рассматривали это требование как сугубо политическое. *“Мы, рабочие, получили восьмичасовой рабочий день и другие свободы”*, — заявил делегат на конференции заводов Главного Артиллерийского ведомства 24 марта 1917 г.

Вот почему рабочие решительно отказались подчиниться призыву Петроградского Совета закончить 7 марта всеобщую забастовку, свергнувшую самодержавие, без установления восьмичасового рабочего дня на своих предприятиях. *“Когда я передавал это постановление рабочим, — объяснил депутат*

Петроградского Совета, — *то в душе чувствовал, что нам сделать это невозможно: рабочий не может добыть свободу и не использовать ее для облегчения ярма труда, для борьбы с капиталом*”.

На собрании одной текстильной фабрики в Питере один из слесарей убеждал ткачих считаться с мнением военных союзников России и согласиться на десятичасовой рабочий день в знак солидарности. На что работница ответила: *“Мы столько жертв принесли, так неужели нам дожидаться указки из-за границы?”* Ткачихи постановили не приступать к работе до введения восьмичасового рабочего дня.

По сведениям Петроградского Общества фабрикантов и заводчиков от 7 марта, из 111 заводов, о которых имелись сведения, работало всего 28, и на большинстве из них рабочие *“явочным порядком”*, то есть по собственной инициативе и без разрешения начальства, уже ввели восьмичасовой рабочий день.

б. “Зарплата, подобающая свободному гражданину”

Таким образом, всеобщая забастовка, переросшая в Февральскую революцию, была одновременно и политической забастовкой против самодержавной власти, и экономической забастовкой против капитала. После отречения царя от престола рабочие во многих случаях возвращались на заводы только для того, чтобы сформулировать экономические требования, а затем проголосовать за продолжение забастовки до полного их удовлетворения.

Для рабочих приличная зарплата, как и восьмичасовой рабочий день, была неотъемлемой частью задач буржуазно-демократической революции. *“Условия хищнической эксплуатации, которые существовали при феодальной системе России, не могут существовать в новой России”*, — провозгласил 6 марта Нарвский районный совет.

Установление в законодательном порядке минимальной заработной платы было настоятельным требованием делегатов проходившей 20 марта сессии Петроградского Совета. Сессия обсуждала материальное положение рабочих. Делегат от Путиловской верфи подвёл итоги дискуссии:

“Теперь обязанность Совета Рабочих и Солдатских Депутатов – войти в наше положение и пересмотреть все наши расценки, переработать их и создать нам сносное существование, а не удивляться, что мы предъявляем такие требования. И вот мы желаем, чтобы комиссия, которая будет избрана здесь, обследовала положение и вошла в переговоры с администрацией, которая заодно с предпринимателями под флагом патриотизма раздевала рабочих, так как они все думали, что рабочий только и создан для того, чтоб пить из него по каплям кровь и выжимать все соки, а потом, как ненужную вещь, выбросить за борт. Теперь, товарищи, не так: когда рабочие проснулись от трудового сна, они требуют справедливой оплаты и предъявляют справедливые требования, а предприниматели кричат: “Караул, нас грабят!” Товарищи, вы-то, вероятно, не разделяете их ужаса, вы входите в положение всех рабочих и вы, вероятно, скажете им: “Нет, выгнули рабочих, вы обирали их, а впредь вы должны заплатить им столько, сколько их труд стоит””.

в. “Конституционный режим” на заводах

Другим требованием было установление “конституционного режима” на заводах. Оно было ответом на произвол и деспотизм, присущий дореволюционной заводской администрации, а также на тесное ее сотрудничество с царской Охранкой. (Дирекция регулярно доносила полиции на активистов, увольняла их по указке последней и отвечала на политические забастовки локаутами. В свою очередь, политические власти посылали войска — казаки особенно

отличались своей “доблестью” — на подавление экономических забастовок.) Рабочие рассматривали этот заводской режим не только как тяжелую форму экономической эксплуатации и политического гнета, но и как оскорбление своего человеческого достоинства.

Поэтому по возвращении на заводы после Февральской революции рабочие тут же принимались за чистку администрации от ненавистных им элементов. Сначала это принимало традиционную форму: рабочие сажали виновных на тачки, одевали им на голову мешки и вывозили с позором за ворота завода. По мере того как страсти утихали, процесс принимал более организованный и мирный характер.

Объясняя эти увольнения, рабочие выдвигали в основном три типа аргументов:

1. Начальник был орудием самодержавия. Он регулярно сообщал Охранке о “нарушителях порядка” и угрожал “неугодным” политическими репрессиями.

Рабочие котельного цеха Балтийского судостроительного завода так объясняли увольнение ими начальника цеха:

“Мы находим, что он выполнял скорее обязанности чисто полицейского администратора, чем мастера и заведующего цехом, желающего превратить выше названный цех в дом молчания или дисциплинарное отделение, где можно было от него скрепя сердце слушать его возражения: “Отправлю на фронт! Употреблю военную власть!”... Из выше изложенного видно его приверженность старому реакционному режиму”.

2. Начальник был деспотом, попиравшим достоинство рабочих и доводившим эксплуатацию до невыносимых размеров.

“Мастер Волков, — заявили рабочие малярной мастерской Балтийского завода, — это главный виновник нашего гнета и унижения, переживаемого за последние годы... Голос наших товарищей, над которыми он издевался, кричит нам и умоляет о мести. С первых же дней своей власти, когда он одел идиотские рукавицы насилия, он показал свою низкую душу. В

1909 много наших товарищей пострадало самолюбием и благодаря его ухищрениям они были брошены из завода самым бесстыдным образом. Они [Волков и высшее начальство - ДМ] забыли 1905 год. С 1909 он начал свою позорную программу — сбил расценки до невозможного (8—9 коп.), не считаясь с условиями труда... Этот ужас мы все испытали во все время до последних дней произвола”.

Здесь стоит отметить, что во время подъема рабочего движения в 1912-1914 гг. в Петрограде прошло много забастовок с требованием “вежливого обращения” к рабочим со стороны начальства. Тот факт, что царский министр торговли и промышленности в своё время определил это требование как “политическое”, многое говорит о качестве дореволюционного рабочего движения, да и о природе самого царского режима.

3. Начальник не соответствовал своей должности.

Если первые две причины были не новы, то третья указывала на важный, хотя еще и не полностью созревший, сдвиг в сознании рабочих после Февральской революции. Демократический переворот пробудил у рабочих чувство заботы и ответственности за благополучие предприятий.

Рабочие Первой электрической станции решили уволить всю администрацию предприятия, объясняя, что вся она состояла из последователей старого режима, людей “вредных с экономической и бесполезных с технической точки зрения”.

На Балтийском заводе начальник цеха Лященко был смещен рабочими как “человек мало сведущий в техническом понимании своего дела” и который, вдобавок, проводил на заводе не более 2-3 часов в день . Были, конечно, и другие обвинения против Лященко: ввёл “безмерную эксплуатацию, на любую просьбу рабочих он отвечал угрозами отправить их в тюрьму или на фронт”, “ввел шпионов среди рабочих и зорко следил среди своих посредственников, чтобы не было никакой организации кроме монархической”.

Возникновение фабрично-заводских комитетов

Ключевым аспектом “конституционного режима” являлись фабзавкомы. Одной из главных их задач было представительство рабочего коллектива на переговорах с администрацией и в отношениях с внешними организациями. Царское государство уже в 1903 г. предоставило рабочим формальное право на коллективное представительство путём выборных советов старост. Но на практике закон сильно ограничил это право. К тому же рабочие редко могли воспользоваться этим законом из-за сопротивления хозяев любой форме независимой рабочей организации и благодаря государственной поддержке хозяев. Советы старост кое-где на предприятиях существовали только в периоды, когда это позволяло соотношение политических сил, то есть во время революции 1905 года и в период нового подъёма рабочего движения 1912-1914 годов.

Давним стремлением, которое рабочие хотели осуществить при помощи фабзавкомов, было установление “заводского самоуправления”, или “права вестить внутренним порядком завода”.

Завком Радиотелеграфного завода Петрограда перечислил следующие области, в которых он намеревался выработать нормы и правила:

- продолжительность рабочего дня,
- минимальная зарплата рабочих,
- форма оплаты труда,
- организация медицинской помощи,
- страхование труда,
- учреждение кассы взаимопомощи,
- прием и увольнение,
- разбор конфликтов,
- дисциплина труда,
- отдых,
- охрана завода,
- продовольствие,

права, обязанности, избрание и существование постоянного заводского комитета.

Таким образом, общая задача выборных фабрично-заводских комитетов состояла в том, чтобы положить конец деспотизму начальства. При царизме административный произвол на предприятиях принимал разные формы: увольнение “неугодных”, прием “чужих элементов” (то есть людей призывного возраста из обеспеченных семей, которые шли на заводы во время войны ради отсрочки от военной службы), привилегии для “угодных”, незаслуженное назначение разрядов и оплаты, произвольная система штрафов и т.д..

Важно, однако, отметить, что в этот период рабочие еще не ставили под сомнение основное право администрации частных предприятий управлять производством. Требование рабочего контроля пока не звучало на частных предприятиях.

Положение на государственных заводах

На казённых заводах положение было другим. Тут сразу после революции рабочие часто либо полностью брали на себя всю ответственность за управление производством, либо решали участвовать в управлении вместе с теми старыми управленческими кадрами, которые не убежали или не были выгнаны во время революции. (Администрация госзаводов в большинстве случаев состояла из офицеров, то есть служащих старого режима в прямом смысле слова.)

“По получении распоряжения от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о возобновлении работ с 7 марта, — сообщал комитет Патронного завода, — утром 6 марта собрались на общее собрание и ввиду того, что высших чинов никого не было на заводе, а не знать об обращении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о возобновлении работ на заводах они не могли, так как это обращение было напечатано

в газетах, рабочие на общем собрании постановили: самостоятельно возобновить работы с 8 марта с.г.”.

На самом деле это постановление поведало только часть истории, потому что рабочие завода еще до 6 марта решили не принимать обратно большинство членов администрации.

Несколько месяцев спустя завком Охтенского порохового завода в отчете о своей деятельности объяснил: *“Сначала задачи фабзавкома были неясны, и он должен был двигаться на ощупь. Он брал на себя не только функции контроля, но и обязанности администрации. Конечно, такие случаи были и на других заводах”*.

На казённых предприятиях после Февральской революции рабочие считали, что поскольку свершилась демократическая революция, то казённые заводы, как часть государства, принадлежат народу. Им казалось совершенно естественным, что рабочие этих заводов должны, по крайней мере, участвовать в управлении. Такое мнение разделяли и железнодорожники, и работники почты и телеграфа.

Однако не прошло и месяца, как рабочие государственных заводов уже отказались от участия в управлении и отвергли какую-либо ответственность за производство, настаивая только на праве “контроля”, то есть надзора за администрацией. Так, инструкция о фабзавкомах, принятая на Конференции рабочих государственных предприятий Петрограда 15 апреля, предоставила комитетам широкие права контроля, в том числе полный доступ к информации и документам, а также право увольнять *“администраторов, которые не могут гарантировать нормальные отношения с рабочими”*. Но в заключение документа говорилось:

“Не желая брать на себя ответственность за техническую и административно-экономическую организацию производства в данных условиях до момента полной социализации общественного хозяйства, представители общезавкома входят в заводоуправление лишь с правом совещательного голоса”.

Почему рабочие госзаводов изменили свою позицию? На общем собрании рабочих Адмиралтейского завода в марте председатель завкома говорил о *“трудностях, связанных с ведением дел завкома ввиду сложности и неопределенности, а также и того, что дело это является совершенно новым. При тех запутанных условиях, которые возникли с образованием комитета, и при трудностях приспособить учреждение управлять и контролировать, комитет был поставлен в положение двойственное, ибо отдавая приказание соответствующим органам заводоуправления, тем самым ограничивал бы себя в широком контроле и стеснял бы инициативу начальника завода, а также и нарушал бы стройность и планомерность исполнения. Практика и здравый смысл подсказали, что надо передать функции управления начальнику завода, и таким образом соединить весь личный состав в одну цельную организацию. Комитет оставляет за собой полное право контроля всех действий, как начальника, так и отдельных лиц и учреждений заводоуправления, до отвода их через примирительную камеру включительно, а также инициативу реорганизации и сокращения штатов”*.

Социальные задачи революции в понимании рабочих

Различное отношение к революции на государственных и на частных предприятиях в значительной мере раскрывает первоначальное понимание рабочими задач революции в области экономики. На госпредприятиях рабочие сначала взяли на себя ответственность за управление, рассуждая так: поскольку государство демократизировано, управление на предприятиях, принадлежащих государству, должно также быть демократизированным. Но они вскоре отказались от этой позиции ввиду сложности задачи, к которой они не чувствовали себя достаточно подготовленными, тем более в условиях экономической разрухи, вызванной войной. Они заодно пришли

к выводу, что рабочее управление на госпредприятиях должно дожидаться социализации экономики в целом, а до этого в марте 1917 года, казалось, было еще очень далеко.

По той же причине рабочие частных предприятий не выдвигали даже требования рабочего контроля. Они не считали такое вторжение в сферу деятельности частной администрации одной из задач буржуазно-демократической революции.

На первый взгляд Февральская революция мало что изменила в сознании рабочих: почти все меры, введенные ими после Февраля, были требованиями дореволюционного рабочего движения. Многие из этих требований возникли впервые во время Революции 1905 года и даже раньше. Но кое-что все-таки изменилось, хотя сначала это было мало заметным. Намек на перемены можно видеть в ссылке на “техническую некомпетентность” как оправдание увольнения рабочими начальника после Февральской революции. Другим намёком было включение охраны завода в сферу компетенции фабзавкомов. Словом, рабочие после Февраля стали проявлять активную заботу о благополучии своего завода, и источником этой заботы было их желание защитить революцию, которую они считали своей.

Эта забота проявлялась также в повышении производительности труда. Крупный промышленник и лидер Конституционно-демократической партии [партии кадетов - главной партии буржуазии - ДМ] Н.Н.Кутлер отмечал некоторый “энтузиазм к работе” среди рабочих в тот период. Директор Шлиссельбургского порохового завода сообщил министру торговли и промышленности в середине апреля:

“Рабочие со всей сознательностью принимают во внимание существующую конъюнктуру и насколько это возможно защищают завод от любых происшествий, могущих как-либо повредить ему, и энергично сотрудничают для увеличения производства пороховых и взрывчатых материалов”.

Россия в то время воевала, и хотя рабочие требовали скорейшего окончания войны, официальные цели которой они считали преступными, они были озабочены угрозой, которую представляли для революции германские войска. Но в не меньшей степени их беспокоили и потенциальные внутренние враги революции. В марте министр торговли и промышленности отмечал, что столичные рабочие *“подозревают администрацию в том, что она задерживает производство оборонной продукции”*.

Эти подозрения нужно рассматривать на фоне кампании, начатой буржуазной прессой с середины марта, во время которой рабочих обвиняли в лености и жадности, потому что они добились введения восьмичасового рабочего дня и повышения зарплаты тогда, когда плохо обмундированные солдаты томились в окопах. Очевидно, что целью кампании было натравить солдат на рабочих и расколоть единство рядов трудящихся классов, благодаря которому Февральская революция победила.

22 марта представители заводов Московского района Петрограда обсудили кампанию буржуазной прессы и постановили обратиться к столичным рабочим с предложением:

“Созвать районные собрания для выяснения причин промышленной разрухи данного района, а потом общегородское собрание из представителей всех районов для выяснения и опубликования истинных причин промышленной разрухи и разоблачения тех, кто тормозит разоблачение этой разрухи”.

Следует напомнить, что до революции локаут был излюбленным приёмом промышленников как против экономических, так и против политических забастовок. До Февральской революции, отвечая на локаут, рабочие могли только или продолжать уже начатую забастовку, или объявить новую. Им казалось невозможным, наверное, даже не приходило в голову установить контроль над администрацией, чтобы предотвратить локаут, или собственными силами

открыть уже закрытый завод. Соотношение сил не позволяло этого, поскольку заводоуправление пользовалось поддержкой репрессивного аппарата царского государства.

Февральская революция резко изменила соотношение сил в пользу рабочих - царская полиция была расформирована, новая милиция уже не находилась в распоряжении имущих классов, а солдаты подчинялись исключительно Советам рабочих и солдатских депутатов. К тому же у рабочих появилось новое чувство ответственности за судьбу революции, и они не забыли прошлого сотрудничества промышленников с царскими властями в борьбе против рабочего движения. Поэтому они больше не собирались сидеть сложа руки, если видели со стороны заводоуправления угрозу предприятию.

20 марта на собрании Петроградского Совета делегат от Металлического завода заявил:

“У нас поступают заявления о том, что хотя работа в некоторых мастерских есть, но неизвестно по каким причинам эту работу не пускают в ход. Говорят: очередь им не пришла — и мастерские стоят. Было у нас заседание старост, пришли к выводу, что выбрали из трех человек комиссию, которая расследовала бы, нет ли каких-либо злоупотреблений со стороны администрации в пользу старого режима или немцев и, если окажется, что работу можно пустить в ход, то немедленно потребовать от администрации, чтобы она была пущена. Может быть, администрация не будет подчиняться, то желательно, чтобы это исходило от Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы немедленно была собрана такая комиссия по заводам всего Петрограда, как раньше была от Центрального Военно-Промышленного Комитета. Правда, эта комиссия была буржуазная и только маленькая группа входила туда от рабочих, но желательно, чтобы теперь такая комиссия была создана в виде контроля и вела бы ревизию по всем заводам, чтобы убедиться, нет ли какого злоупотребления со стороны администрации в задержке

работ. Верны ли заявления администрации, что у них нет металла, нет угля, нет нефти?”.

Тут уже призыв к введению рабочего контроля на частных предприятиях. Но в отличие от того, что происходило на государственных заводах, он был сформулирован как практическая, защитная мера, а не как право, исходящее из демократической революции. К тому же это был призыв к действию на уровне городского совета, поскольку считалось, что Петроградский Совет имеет больше возможности влиять на заводскую администрацию, чем отдельные рабочие коллективы.

Случаи установления контроля на частных предприятиях, имевшие место в этот период, имели исключительно одну цель: предотвратить подозрительный вывоз товаров и материалов с территории предприятия. Например, в начале апреля на парусиновом заводе Кебке производство остановилось несмотря на все прежние заверения администрации в том, что предприятие обеспечено сырьем и заказами. К тому же директор уклонялся от ответа на все запросы рабочих о причинах простоя, а сам тем временем приказал грузить для отправки парусину, как только она сходила со станка. Поэтому рабочие решили не разрешать отправку продукции и отключили телефонную связь с городом. На общем собрании они постановили попросить Петроградский Совет провести расследование.

Однако в первые недели революции подобные случаи введения рабочего контроля на частных предприятиях были достаточно редки, поскольку производство в целом расширялось, а народное хозяйство, казалось, постепенно выходило из унаследованного от старого режима кризиса. Тем не менее новое активное отношение рабочих к проблемам производства содержало в себе зародыш будущего широкого движения за рабочий контроль и, в конечном итоге, новой революции. Но этот зародыш мог развиваться только при наличии необходимых условий: угрозы существованию заводов и убеждения рабочих, что владельцы на самом деле стремятся

свернуть производство, организовать скрытый локаут, заручившись для этого бездеятельностью, халатностью или даже активным саботажем заводской администрации. К концу апреля эти условия были уже налицо.

III. МАЙ-ИЮНЬ: РОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ

Вопрос о государственном регулировании экономики

К концу апреля ухудшение экономического положения в стране стало одним из центральных вопросов революции. С этого времени наряду с требованием мира, земли и демократической республики рабочее движение выдвигало требование экономического регулирования как меру против углубления экономического кризиса. Примерно к этому времени кризис, который в первые недели революции, казалось, был остановлен и даже повернут вспять, вновь заявил о себе.

“За последнее время, — писала в начале мая меньшевистская газета “Новая жизнь”, — на целом ряде предприятий наблюдается сокращение производства. Это явление пока обозначилось в мелких и средних предприятиях, но все же оно начинает основательно тревожить рабочие массы”. Другая меньшевистская газета, “Рабочая газета”, писала об “усилении общего хода разрухи, надвигающемся призраке массовой безработицы”. Кадетская газета “Речь”, отражавшая настроения имущих классов, еще более пессимистично предсказала: “Пройдут недели две-три и заводы начнут закрываться один за другим”.

Для лидеров рабочего движения вывод был очевиден: чтобы предотвратить катастрофу, необходимо немедленно

ввести государственное регулирование народного хозяйства. Соответственно 16 мая Исполнительный Комитет Петроградского Совета принял план, выработанный его Экономическим отделом под руководством меньшевистского деятеля Громана. План предусматривал введение широкого государственного регулирования производства, распределения и финансов.

В сущности это мало чем отличалось от того, что уже осуществлялось другими участниками мировой войны. Но 18 марта промышленник А. Коновалов, министр торговли и промышленности (он считался либералом в своем кругу), подал в отставку в знак протеста против плана Петроградского Совета. Объяснил он это тем, что экономический кризис можно будет предотвратить, только если *“Временное правительство, по крайней мере, вышло бы на путь восстановления нарушенной дисциплины и проявляло энергию в борьбе с непомерными требованиями крайне левых”*.

Российские промышленники категорически отвергали любое вмешательство государства в экономику. Вместо этого они настойчиво требовали обуздать экономические требования рабочих и устранить влияние их организаций, особенно Советов. Московский банкир и промышленник П. Рябушинский так объяснял, почему вмешательство государства в экономику, хотя и с успехом применяемое в других странах, не подходит для России:

“В Европе государство, вмешиваясь в область государственной [экономической - ДМ] жизни, получает всю полноту контроля, против чего мы не возражаем. Но мы боимся, что у нас такой контроль невозможен в смысле его полезности и целесообразности для государства в целом, доколе наше правительство само продолжает находиться в положении подконтрольном”. Другими словами, государственное регулирование хорошо там, где имущие классы имеют всю полноту власти. Тогда нет опасности, что оно будет использовано против их интересов.

Но в России после Февральской революции государственная власть больше не находилась полностью в руках буржуазии и помещиков. Было двоевластие. И, по мнению Рябушинского и его коллег, Советы рабочих и солдатских депутатов и другие рабочие организации оказывали слишком большое влияние на правительство. Поэтому вполне возможно было, что введение государственного регулирования экономики обернулось бы против интересов капитала, то есть против выкачивания им максимальной прибыли из предприятий, не считаясь с интересами остального общества.

В Советах, то есть среди представителей рабочих и солдат (солдаты были в подавляющем своём большинстве из крестьянства), мнение было как раз противоположное. Там царило полное единодушие (начиная с правых меньшевиков и эсэров и заканчивая большевиками и анархистами) относительно срочной необходимости ограничить свободу действий капитала, чтобы предотвратить экономический крах и грядущую за ним контрреволюцию. Меньшевистская “Рабочая газета”, последовательно защищавшая правительственную коалицию из представителей Советов и имущих классов, 20 мая опубликовала передовую статью под заголовком “Наступление?”

“В лагере промышленников оживление. Прошла недолгая оторопь, охватившая их в первые дни революции. От недавней растерянности и панической уступчивости не осталось и следа. Если в первый месяц свободы объединенные промышленники почти без сопротивления удовлетворяли требования рабочих, то теперь они решительно перешли в оборону и спешно готовятся к наступлению по всему фронту...

Не сразу решаются они объявить открытую войну рабочим. Слишком раскалена еще вулканическая почва революции, слишком грозен еще в своем революционном порыве рабочий класс, чтобы промышленники, по крайней мере, в данный момент, решились пойти напролом и открытым встречным натиском опрокинуть противника.

Но усиление общего хода разрухи, надвигающийся призрак массовой безработицы, социальный испуг имущих классов — все это создает почву для реализации наступательных замыслов предпринимателей. И вот не решаясь открыто идти на “прорыв центра”, они пытаются сделать обход с флангов, чтобы зайти противнику в тыл.

Все чаще мы за последнее время слышим об “итальянской забастовке”, практикуемой предпринимателями то там, то здесь. Заводы не ремонтируются, изношенные части не заменяются новыми, запасы сырых материалов и угля не возобновляются, работы ведутся спустя рукава. Предприниматели кричат на всех перекрестках, что “чрезмерные требования” рабочих не осуществимы и прямо губительны для предприятий. Они великодушно предлагают или делают вид, что предлагают государству снять с них непосильное бремя ведения предприятий.

В других случаях они сокращают производство, рассчитывают рабочих под предлогом недостатка металла, угля, отсутствия заказов, конкуренции со стороны импорта. Тут перед нами другой прием борьбы — скрытый локаут...

В Отделе Труда Совета Рабочих и Солдатских Депутатов ежедневно приходится сталкиваться с фактами, подтверждающими наличие определенного плана у промышленников”.

Поэтому когда на съезде Военно-промышленных комитетов тот самый А.Коновалов обрушился на “чрезмерные требования рабочих” и предупредил, что “если в ближайшем будущем не произойдет отрезвление умов, мы будем свидетелями закрытия десятков и сотен предприятий”, рабочие это восприняли не как прогноз, а как самую настоящую угрозу. Для них это было официальное объявление наступления против революции. Такого рода заявление было далеко не единственным. Подобные мнения выражались тогда публично многими видными буржуазными деятелями.

Рабочий контроль на предприятиях и государственное регулирование в народном хозяйстве

Из-за сопротивления представителей имущих классов Временное правительство по-прежнему не могло принять решение по вопросу об экономическом регулировании. Умеренные социалисты, меньшевики и эсэры, так называемые “соглашатели”, по-прежнему твердили о необходимости государственного регулирования. Но поскольку Временное правительство ничего серьезного не предпринимало против углубляющегося экономического кризиса, рабочие вынуждены были действовать сами.

Делегат от Общества электрического освещения 1886 г. Животов на Первой конференции фабзавкомов Петрограда в конце мая выразил мнение большинства делегатов и рядовых рабочих:

“Надо быть слепым или умственным недорослем, чтобы не видеть этой контрреволюционной работы буржуазии. Саботаж угольных промышленников в Донецком бассейне, саботаж в текстильной промышленности и такой же организованный саботаж предпринимателей на целом ряде питерских заводов требуют организованного вмешательства рабочего класса в форме немедленного учреждения рабочего контроля, который только и может положить предел контрреволюционным замыслам капиталистов... Наивно было бы думать, что коалиционным правительством, вместе со своей заседающей там буржуазной братией, был бы разработан и введен контроль над своими же капиталистами и промышленниками... Несомненно, что жизнь заставит в недалеком будущем осуществить это выдвигаемое рабочими требование контроля над производством, но осуществит его в полной мере не буржуазное правительство, а то

правительство революционной демократии [то есть исключительно из представителей трудящихся классов - ДМ], которое придет ему на смену. А пока не совершился этот переход власти.., заводские комитеты должны сыграть большую роль в осуществлении этого контроля и спасти страну от катастрофы”.

Из заявления Животова видно, что рабочие реагировали на кризис на двух параллельных уровнях. На практическом, самом близком им уровне, они требовали введения рабочего контроля над заводской администрацией. Это требование полностью шло “снизу”, от рядовых рабочих на предприятиях. Как уже было упомянуто, его не было в программе ни одной из социалистических партий. Оно впервые стало центральным требованием рабочего движения в конце апреля 1917 года. Только месяц спустя оно было выдвинуто официально Первой Петроградской конференцией фабзавкомов.

Но рабочие никогда не считали, что контроль на уровне предприятия может заменить общегосударственное регулирование народного хозяйства. И то, и другое скорее считалось необходимыми, дополняющими друг друга, мерами. Как заявил левый эсэр Левин, один из организаторов Первой конференции фабзавкомов:

“Все, что в силах заводских комитетов — делается ими. Но будет идеализацией, если мы представим, что на всех заводах работы этих комитетов протекают очень гладко, плодотворно и организовано. Дело в том, что контроль, осуществляемый заводскими рабочими организациями, в большинстве чрезвычайно прост и примитивен... Пока рабочие организации не создадут контрольного аппарата, который совместно с государственной властью возьмет под контроль производство и распределение продуктов — до тех пор заводские комитеты ограничатся охраной данного предприятия, предохраняя орудия производства от распродажи по частям, злостной порчи и т.п. явлений,

имеющих место в настоящее время. Ведь не секрет, что уничтожение хозяйственной разрухи не только не в интересах наших отечественных капиталистов, а даже противоположно им... В этом деле большую роль сыграет новая форма русского рабочего движения — заводские комитеты..., но без содействия подлинно революционной государственной власти в деле организации производства комитеты не смогут справиться с такой большой и сложной ситуацией”.

Экономический кризис и власть Советов

Таким образом, на политическом уровне рабочие реагировали на экономический кризис требованием перехода государственной власти к Советам. Опыт им подсказывал, что государственное регулирование экономики осуществится на практике только тогда, когда государство будет освобождено от влияния имущих классов, то есть только при правительстве, состоящем исключительно из представителей трудящихся классов, рабочих, крестьян и солдат. Конкретным воплощением этой власти были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Неслучайно, что впервые Рабочая секция Петроградского Совета приняла резолюцию с требованием перехода власти от коалиционного Временного правительства к Советам 31 мая как раз в связи с дискуссией о государственном регулировании и о правительственном плане “разгрузки” Петрограда от промышленных предприятий. Хотя Временное правительство так и не смогло принять какую-либо программу регулирования экономики, оно сочло возможным предложить план перевоза Петроградских заводов в провинцию под тем предлогом, что в условиях кризиса целесообразнее разместить заводы поближе к источникам топлива и сырья. Рабочие же увидели в этом проекте стремление буржуазии освободить столицу от самых боевых элементов и рассеять их по провинции. Благодаря

сильному сопротивлению рабочего движения правительство было вынуждено отказаться от своего плана.

В конце мая Рабочая секция Петроградского Совета собралась для обсуждения плана “разгрузки” столицы. Депутаты выслушали объяснения и.о. министра торговли и промышленности Пальчинского и представителей Исполнительного Комитета Совета, возглавляемого ещё меньшевиками и эсэрами, и отклонили план “разгрузки” столицы 173 голосами против 144 (несмотря на одобрение его Исполнительным Комитетом). Вместо этого они призвали бороться против экономической разрухи и положить конец войне - основной причине экономического кризиса. (Временное правительство под давлением членов-представителей имущих классов продолжало на практике поддерживать аннексионистские цели войны вместе с Союзниками и отказывалось от предложения немедленного демократического мира, как того требовали Советы).

В итоге дискуссии Рабочая секция Совета приняла резолюцию, в которой говорилось: *“Настоящая борьба против нее [экономической разрухи -ДМ] возможна только через регулирование и контроль всего производства государственной властью в руках Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов”*.

Через несколько дней Первая Петроградская конференция фабзавкомов приняла подобную резолюцию по “Экономическим средствам борьбы с разрухой”, в которой говорилось как о необходимости принять срочные меры по введению экономического регулирования на общегосударственном уровне, так и о необходимости расширения рабочего контроля на предприятиях. В заключение резолюция подтвердила:

“Систематическое и успешное выполнение вышеизложенных мер возможно только с передачей

государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов”.

За эту резолюцию, предложенную большевиками, проголосовало 297 человек - более двух третей делегатов. Предложение же меньшевиков получило только 85 голосов. В нём утверждалось, что рабочий контроль является анархическим требованием, поскольку он отвергает центральную роль государства в регулировании экономики. Меньшевики, казалось, не замечали, что резолюция конференции ясно связывала эффективное осуществление рабочего контроля на предприятиях с общегосударственным регулированием народного хозяйства. Со своей стороны меньшевики предлагали только “государственный контроль”, подразумевая под государством Временное правительство. Это предложение было неприемлемо для большинства делегатов, поскольку Временное правительство уже четыре месяца отказывалось принять какие-либо существенные меры по регулированию экономики.

А анархисты, наоборот, предложили резолюцию, в которой речь шла исключительно о контроле на предприятиях без какого-либо упоминания о государстве. Но их резолюция получила всего 45 голосов.

Отвечая на доводы меньшевиков, большевик Наумов, рабочий машиностроительного завода Новый Парвийнен, утверждал:

“Припомните только, не так давно все кричали на нас, большевиков: “вы анархисты”, “вызываете гражданскую войну”. Это за то, что мы требовали контроля над производством. А теперь все в один голос утверждают, что контроль над производством необходим.

Да, необходим, но какой контроль, как и кем организован? Министр труда Скобелев [меньшевик - ДМ] говорил нам здесь, что контроль не есть дело одного класса, это дело государственное. Что же получается? Если поручить современному правительству, правительству более

буржуазному, чем демократическому, ведать контролем над производством и распределением продуктов – ведь это похоже на то, чтобы самим капиталистам, преступно усугубляющим промышленную разруху, поручить следить за тем, чтобы они эту преступную деятельность не допускали, другим словом — пусть сами хозяева себя контролируют. Это ведь явная несообразность, лишенная всякого здравого смысла... Если хотят ввести государственный контроль, то пусть определенно договаривают: правительство какого класса будет осуществлять этот контроль? Если класса буржуазии, то это значит: все оставить по-старому.

Словом, товарищи, контроль необходимо создать снизу, а не сверху, создать демократическим путем, а не бюрократическим путем, и я призываю вас взять на себя эту миссию. Только мы, рабочие, и можем осуществить то, что необходимо для нашего дальнейшего существования”.

Рабочий контроль — мера защиты рабочих мест и самой революции

Как непосредственный ответ на экономический кризис, рабочий контроль имел сугубо защитный характер. Именно это было его определяющей особенностью в течение всего 1917 года: он был нацелен прежде всего на то, чтобы предупредить сокращение производства и рабочих мест и полную остановку предприятий. Поэтому на частных предприятиях движение за рабочий контроль началось не сразу после Февральской революции, а только к концу апреля, когда угроза остановки заводов стала действительно ощутимой.

Стоит также заметить, что хотя рабочий контроль вскоре стал одним из центральных пунктов программы большевиков, Петроградский комитет партии только 10 мая формально призвал рабочих установить контроль на предприятиях. В своём воззвании Петроградский комитет не скрывал, что он реагирует на самостоятельные инициативы фабзавкомов:

“В ответ на ряд заявлений от заводских комитетов о необходимости контроля и его установления, решено рекомендовать товарищам рабочим создать контрольные комиссии на предприятиях из представителей рабочих”.

История конфликта на машиностроительном заводе “Лангезипен” хорошо освещает сущность рабочего контроля и обстоятельства, которые толкали рабочих на его введение в этот период. В конце апреля Старший Фабричный Инспектор Петроградской губернии доложил, что *“рабочие этого завода подозревают администрацию в задержке производства оборонной продукции”*. 27 апреля рабочие выставили караул у дверей кабинета администрации и запретили директору уходить с работы до конца рабочего дня. Вслед за этим была создана объединенная комиссия из представителей Петроградского Совета, Общества Фабрикантов и Заводчиков, Союза Инженеров и Центрального Военно-промышленного Комитета для расследования конфликта.

Но 2 июня директор завода объявил о его предстоящем закрытии, ссылаясь на растущую стоимость производства и сокращение объёма продукции на две трети. Причиной этого, как он утверждал, было введение восьмичасового рабочего дня, спад производительности труда на 50% и, наконец, нехватка сырья и топлива. В результате, - заключил он, - компания потерпела убытки в десять миллионов рублей на оборонных заказах и вынуждена закрыть завод из-за недостатка средств.

Рабочие завода обратились в Центральный Совет фабзавкомов, созданный в конце мая Первой Петроградской конференцией заводских комитетов. ЦС назначил для расследования инспектора, который обнаружил длинную и крайне подозрительную цепочку махинаций с акциями завода. Когда ЦС предал огласке результаты расследования, директор вдруг объявил, что он “случайно нашел” 450000 рублей, занятых у одного его знакомого, что дает возможность продолжать производство полным ходом.

Газета Петроградского Совета “Известия”, еще тогда возглавляемая меньшевикам и эсэрами, описывала конфликт на “Лангезипен” как характерный для *“целого ряда заявлений о закрытии предприятий владельцами”*, поступающих лавиной в Центральный Совет фабзавкомов. Газета отмечала, что в большинстве случаев все объяснения администрации сводятся к недостатку фондов и убыткам. *“Однако при первых попытках рабочих организаций рассмотреть доводы предпринимателей, обнаруживаются очень часто самые сложные и хитрые махинации локаута капиталистов”*.

Лишь узнав о намерениях хозяина закрыть завод, рабочие “Лангезипен” решили ввести рабочий контроль. 5 июня завком заявил:

“В последнее время положение на заводе Лангезипен и К° таково:

“В последнее время положение на заводе Лангезипен и К° таково:

1. Заводская администрация отказывается признать контрольные комитеты рабочих и служащих,

2. Администрация нарушает решение примирительной комиссии от 6 мая 1917 года о размере заработной платы для служащих, и

3. Последнее заявление администрации о закрытии завода поставило нас перед необходимостью принять следующие меры:

1. Товары или сырье не вывозятся с территории завода без разрешения заводской комиссии, товары готовые к погрузке также должны быть завизированы и проштампованы заводской комиссией.

2. Все распоряжения завкома обязательны для всех рабочих и служащих и ни одно распоряжение администрации не является действительным без разрешения завкома.

3. Документы и письма касающиеся завода не могут быть вскрыты без предварительного просмотра их завкомом.

Для выполнения вышеуказанных мер избранная контрольная комиссия приступит к исполнению своих обязанностей с сегодняшнего дня.

5. Пожарники и сторожа обязаны охранять заводские помещения от пожара”.

Оборонительный характер этих мер явствует из самого заявления: действия администрации “поставили нас перед необходимостью” принять меры. Угроза заводу и заработку рабочих побудила рабочих установить контроль.

Конечно, не все конфликты, приведшие к введению контроля, были столь однозначными. После Февраля на заводе резиновых изделий “Треугольник” спор о выплате компенсаций пострадавшим от массового отравления 1914 года был передан в примирительную комиссию. Но в начале мая группа рабочих-анархистов, не дождавшись результатов арбитража, решила форсировать решение конфликта. Толпа примерно из 70 рабочих пошла к директору и стала угрожать, что бросит его в канал, если он не согласится выплатить требуемую компенсацию с добавкой 15 копеек за час задним числом с мая 1915 года. Они также угрожали расправой завкому и рабочим представителям в примирительной комиссии, которые осудили эту неорганизованную акцию. В конце концов удалось уговорить бунтовщиков подождать до утра следующего дня, когда на завод приедут представители правительства.

Однако ночью старшие руководители завода попытались сбежать, прихватив с собой наличные деньги из заводской кассы. Они были случайно обнаружены конторскими служащими, которые их арестовали и отправили под конвоем к Керенскому [народнику, члену Временного правительства - ДМ] “до выяснения на заводе”. На следующий день на встрече с представителями коллектива министр труда Скобелев предупредил, что необдуманными действиями рабочие могут спровоцировать уход администрации, а своими силами рабочие

управлять заводом не сумеют. Он посоветовал им отложить удовлетворение требований до конца войны.

На совместной встрече представителей рабочих, служащих, цеховых мастеров и союза инженеров было решено образовать комиссию из представителей рабочих и служащих для контроля действий администрации. По предложению рабочих организаций члены администрации были отпущены, проведя всего один день в апартаментах Керенского.

Хотя причина конфликта на “Треугольнике” отличалась от причин конфликта на “Лангезипен”, установление рабочего контроля как в том, так и в другом случае было непосредственным ответом на угрозу заводу со стороны администрации. Там, где рабочие не видели угрозы, они вообще в этот период не пытались ввести контроль. Поэтому на частных заводах установление рабочего контроля было еще достаточно редким явлением, несмотря на то, что он уже стал общим требованием всего рабочего движения. С одной стороны, рабочие не хотели настроить против себя администрацию, если считали, что она работает добросовестно. А с другой стороны, решительное сопротивление администрации любой попытке контроля отбивало у рабочих желание вмешиваться в управление, если в этом не было необходимости.

В конце мая на Первой конференции фабзавкомов делегат казенного завода “Новый Арсенал” отмечал:

“Заводские комитеты, главным образом, развили свою контрольную деятельность на заводах государственных. И в то время, как попытки рабочего контроля на частных предприятиях вызывают протест со стороны администрации и заводоуправления, шумиху буржуазной прессы по поводу “захвата фабрик”, “анархии” и т.п., существование того же контроля на заводах государственных проходит даже незамеченным для широких кругов общества”.

В самый канун Октября комитет меднопрокатного завода “Розенкранц” (одного из самых боевых заводов) докладывал

Центральному Совету фабзавкомов, что только недавно была образована контрольная комиссия. Решение было принято рабочими в связи с возникшей необходимостью “вести упорную борьбу с попытками саботажа со стороны администрации”. А в ответ и.о. министра торговли и промышленности Пальчинский угрожал, что сам “придет и закроет завод”.

Дискуссия о сотрудничестве фабзавкомов с капиталистическими заводоуправлениями

Гораздо более обычной, по сравнению с контролем, была деятельность фабзавкомов, направленная на снабжение предприятий сырьем, топливом и заказами. Еще перед Первой конференцией фабзавкомов петроградские рабочие организовали специальную конференцию, посвященную кризисному состоянию производства в связи с нехваткой сырья и топлива. Рабочие ряда предприятий уже направили своих делегатов в Донбасс в поисках топлива и для выяснения на месте положения на шахтах.

Из одного из выступлений на Первой конференции фабзавкомов:

“Заводские комитеты принуждены были вмешаться в хозяйственную деятельность страны, ибо иначе заводы уже давно остановились бы, а масса рабочего люда оказалась бы на мостовой, пополняя и без того начинающую расти армию безработных. Дело в том, что после первых недель революции произошла какая-то странность. То на одном, то на другом заводе не оказывается каменного угля, нефти, керосина, сырья, заказов и даже денег. А главное — администрация не предпринимает никаких активных шагов к тому, чтобы добывать все необходимое для нормального хода работ. По всему видно, что администрация проводит итальянскую забастовку, которая в данный момент равносильна саботажу... Заводские комитеты посылают своих представителей во все концы города искать топливо,

занимают его на время у заводских комитетов других заводов. Посылаются представители и на железнодорожные узлы, где топливо задерживается доставкой, на места хранения и добычи угля и нефти и для выяснения причин отсутствия их...

Все это заводские комитеты пытаются выяснить, установить точную связь между тем и другим и многое предупредить... и в результате нефть и уголь появляются, отыскиваются и заказы, и деньги... Русская революция должна положить конец анархии производства и приступить немедленно к организации его. Заводским же комитетам в этом деле будет принадлежать почетное и выдающееся место”.

За этой деятельностью, как и за рабочим контролем, стояло стремление рабочих сохранить производство, рабочие места и в конечном итоге спасти революцию. Разница между этими двумя видами деятельности фабзавкомов заключалась в том, что администрация больше сопротивлялась установлению контроля, чем тому, чтобы рабочие искали сырье и заказы.

С определенной точки зрения эта деятельность была формой сотрудничества с капиталистической администрацией, а поэтому подвергалась критике со стороны определенных кругов в рабочем движении. Больше всего ее критиковали некоторые профсоюзные лидеры, очень часто меньшевики и умеренные большевики, вообще враждебно настроенные к заводским комитетам. Тут сказывалось не только организационное соперничество между профсоюзами и фабзавкомами, практическая деятельность которых до определенной степени совпадала, но и принципиальное несогласие более умеренных профсоюзных деятелей с участием рабочих в управлении заводами в период буржуазно-демократической революции. Они считали, что на этой стадии развития российского общества права частной собственности не должны нарушаться.

В октябре месяце на Всероссийской конференции фабзавкомов профсоюзный деятель и умеренный большевик Н.Рязанов бросил следующий упрёк фабзавкомам:

“На профсоюзном движении нет пятна предпринимателя, а несчастье комитетов, что они как бы составная часть администрации. Профсоюз сразу ставит себя против капитала, а член заводского комитета невольно превращается в агента предпринимателя”.

Ленин, исходя из противоположной позиции, критиковал фабзавкомы на Первой конференции фабзавкомов в конце апреля за то, что они ведут себя по отношению к капиталу, как “мальчики на побегушках”. Но, в отличие от Рязанова, Ленин пытался убедить делегатов-активистов в том, что только власть Советов и создание органов государственного регулирования, в которых рабочие представители составляли бы большинство, могут гарантировать, что усилия заводских комитетов на предприятиях принесут пользу рабочим, а не только их хозяевам.

Но многие выступающие выражали несогласие с ленинской критикой. Хотя большинство делегатов голосовало за передачу государственной власти Советам и установление государственного регулирования экономики, они понимали, что эти требования не могут сразу быть осуществлены. А тем временем положение на предприятиях все ухудшалось и требовало незамедлительных мер. “Фабзавкомы должны получить сырье”, — возразил Ленину рабочий-делегат с машиностроительного завода “Новый Арсенал”. “Это не побегушки. Если мы таким образом не поддержим заводы, неизвестно, что может случиться”.

Рабочие готовы были сотрудничать с администрацией, если она действительно была заинтересована поддерживать производство. Но именно это было под вопросом. И в этом-то и заключалась основная проблема движения за рабочий контроль в 1917 году: контроль не мог дать результаты, если администрация не была заинтересована дальше вести дела. Без

такой заинтересованности стремление рабочих поддерживать производство все дальше уводило их от контроля и приближало к непосредственной борьбе за полную власть на предприятиях и в конечном счете к экспроприации частных владельцев и национализации предприятий. В этом направлении рабочих толкали обстоятельства. Но, как мы видели, не к этому стремились рабочие, когда совершали Февральскую революцию, потому что они не чувствовали себя готовыми к тому, чтобы взять на себя ответственность за работу предприятий. Объективная ситуация вынуждала рабочих к принятию всё более радикальных мер, даже когда на уровне сознания они продолжали считать революцию буржуазной.

В тех случаях, когда сотрудничество с администрацией давало реальную надежду на спасение предприятия, рабочие готовы были пойти в сотрудничестве с администрацией даже дальше поиска топлива и заказов. Так, в середине июля директор Балтийского вагоностроительного завода объявил, что он закрывает ставшее неприбыльным после революции автомобильное отделение. Когда завком доказал, что утверждение о неприбыльности основывается на неточных данных, директор согласился продолжать производство при условии, что рабочие обеспечат прибыльность отделения. Те согласились, но с условием рабочего контроля над производством и всеми денежными счетами. Администрация отказалась принять такое условие.

Этот пример показывает, что рабочие готовы были идти на жертвы — при условии, что их интересы будут учтены. Но давать себя дурачить они не собирались. Без рабочего контроля и доступа ко всей заводской бухгалтерии такое было вполне возможно и весьма вероятно, поскольку не было никакой гарантии против того, что администрация выжмет последние капли дополнительной прибыли из рабочих, а потом закроет предприятие.

На машиностроительном и литейном заводе “Бреннер” рабочим удалось убедить служащих отменить запланированную

ими забастовку, и сами рабочие согласились работать в выходные для того, чтобы предотвратить закрытие предприятия. Но когда хозяин все равно закрыл завод, рабочие открыли его своими силами и попросили Петроградский Совет оказать давление на правительство, чтобы оно национализировало завод. Проведенное расследование выявило опять же целую цепочку темных делишек хозяина, который среди прочего получал авансом крупные суммы от Технического отдела Комитета средней и мелкой промышленности, председателем которого он сам и являлся.

На практике, таким образом, готовность рабочих сотрудничать с администрацией редко себя оправдывала. Это отмечал в своем выступлении на Второй (августовской) конференции петроградских фабзавкомов рабочий-делегат Антипов с Выборгской стороны. На вопрос о том, следует ли рабочим представителям входить в органы государственного регулирования вместе с представителями владельцев, он ответил:

“Разве смогут сделать что-либо наши товарищи вхождением в совещания с промышленниками? Ликвидировать разруху таким путем было бы возможно, если бы владельцы действительно не могли правильно вести производство, но ведь тут дело в нежелании владельцев, а принудить их через эти совещания мы не можем. Они не идут ни на какие уступки, потому и нам к ним идти нечего”.

Буржуазная или социалистическая революция?

Между рабочим контролем на предприятиях и двоевластием в государстве (разделением власти между Временным правительством и Советами) было разительное сходство. Установившееся после Февральской революции двоевластие оставило исполнительную власть в руках представителей имущих классов в форме Временного правительства, а Советы сохранили за собой право

контролировать правительство для того, чтобы оно не отклонялось от революционной программы восставшего народа: скорейшего заключения мира, раздачи земли крестьянам и установления демократической республики. Однако к июлю петроградские рабочие в своём большинстве уже пришли к выводу, что имущие классы и их представители во Временном правительстве не только не желали осуществить эту программу, но и вообще хотели положить конец революции. Даже непосредственное участие представителей Советов в коалиционном правительстве, сформированном впервые в мае 1917 года, не смогло изменить антинародной направленности правительства. Поэтому рабочие стали требовать, чтобы Советы взяли всю власть в свои руки, не допуская влияния имущих классов на государственную политику.

Но рабочим проще было требовать исключения представителей буржуазии из правительства, чем увольнения буржуазной администрации с предприятий. Переход государственной власти к Советам сам по себе не означал изменения отношений собственности и передачи управленческих функций на предприятиях к рабочим, то есть социалистической революции. Для рабочих задача советской власти состояла в том, чтобы установить рабочий контроль над экономикой, которая пока должна была оставаться капиталистической.

В рабочем движении того периода контроль над администрацией совершенно определенно отличался от захвата предприятий и введения рабочего управления. В августе на Второй Петроградской конференции фабзавкомов Левин заявил:

“Мы требовали от министров контроля над производством, но тут встречали с их стороны нерешительность и медлительность, а со стороны промышленников злобу и страх за собственность. Многие сознательно смешивают понятие “контроля” с понятием “захвата фабрик и заводов”, хотя рабочие совершенно не

проводят тактики захватов, а если таковые и произошли, то это единичные исключительные случаи”.

Хотя рабочий контроль и не означал экспроприации частных собственников, все-таки это было новое, непредвиденное требование, которое на практике должно было ограничить право собственности и власть владельцев предприятий. Поэтому оно заставило рабочих, по крайней мере, частично пересмотреть свои взгляды на революцию как чисто буржуазно-демократическую. Левин, как член Центрального Совета фабзавкомов, лучше других понимал объективную динамику ситуации (хотя даже после Октября он постоянно предостерегал рабочих от захвата предприятий, если не было угрозы остановки производства). Он дал следующую оценку природы революции в августе:

“Ведь не секрет, что уничтожение хозяйственной разрухи не только не в интересах наших отечественных капиталистов, а даже противоположно им. Уничтожить хозяйственную разруху, значит укрепить молодой растущий организм революции, которая неизвестно чем может закончиться для капиталистов. В лучшем случае — развивающаяся революция лишит их только части благ. А в худшем? Кто поручится, что она из русской не станет мировой, интернациональной?”.

Другими словами, в России революция выходила за рамки своих первоначально буржуазно-демократических задач. Но лишь своими силами она не могла дойти до полного уничтожения капиталистических отношений. Дальнейшее успешное развитие Российской революции в этом направлении зависело от политической и материальной поддержки социалистических революций в более развитых странах.

Примерно такой же была позиция большевиков-активистов фабзавкомов. Рабочий завода “Новый Парвийнен” Наумов сказал на Второй Петроградской конференции фабзавкомов:

“Мы, как марксисты, должны рассматривать жизнь, как вечно движущуюся вперед. Революция продолжается. Мы говорим: эта революция есть пролог к мировой революции. Контроль не есть еще социализм и даже не взятие производства в свои руки, но это уже выходит из рамок буржуазного строя. Не социализм мы предлагаем ввести, нет, а взяв власть в свои руки, мы должны повести капитализм по тому руслу, по которому он сам себя изжил бы. Заводские комитеты и должны работать в этом направлении. Это приведет к социализму. Этого достичь следует снизу... Укрепив себя в производстве, взяв в свои руки контроль, мы практически научимся работать активно в этом производстве и организованным путем приведем его к будущему социалистическому производству”.

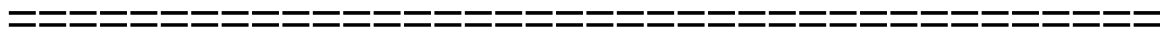
Даже при уверенности Наумова в грядущей мировой революции, он признавался, что русскому рабочему классу ещё не хватало знаний и навыков для того, чтобы самим непосредственно управлять экономикой. Контроль, по его мнению, как раз и должен был стать такой школой рабочего управления, социализма. Но даже большевику Наумову казалось очевидным, что социализм в России будет построен не завтра и не послезавтра.

Но в конце концов ход событий определили не субъективные представления рабочих о характере революции, а разворачивающаяся классовая борьба. *“Ни одна партия не предвидела вмешательства рабочего класса в буржуазную экономику при буржуазном правительстве, — отмечал Левин. — Теперь все признают его необходимость. Правда, они были вынуждены к этому, чтобы не оказаться на улице”.*

“При возникновении заводского комитета, - отмечалось в докладе завкома Путиловского завода в конце 1917 года, - ему не было дано ни программы деятельности, ни какого-либо устава, какими он мог бы руководствоваться в своих работах. Устав и программу составляла и писала сама реальная жизнь.

Таким образом, у заводского комитета оказался лучший учитель — жизнь”.

IV. ОТ ИЮЛЬСКИХ ДО ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ: КРИЗИС ДВИЖЕНИЯ ЗА РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ

Июльские дни и временное изменение в соотношении политических сил

3 и 4 июля десятки тысяч рабочих и солдат собрались у Таврического дворца, где заседал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК), чтобы заставить ВЦИК изгнать из Временного правительства “десять министров-капиталистов” и единолично взять власть. Как прокричал один возмущенный рабочий Виктору Чернову, министру сельского хозяйства и лидеру эсэров: “Бери власть, сукин сын, когда ее тебе дают!”.

Демонстрации начались стихийно, но большевики, хотя сначала и неохотно, но все-таки взяли на себя руководство ими. Демонстрации предполагалось провести мирные, но вслед за столкновениями между верными правительству войсками и провокаторами, с одной стороны, и вооруженными демонстрантами, с другой, было ранено и убито 400 человек. В ночь с 4 на 5 июля, после того как демонстранты уже разошлись по домам, в столицу прибыли верные правительству войска и стали арестовывать рабочих лидеров, громить рабочие организации и левую прессу.

Начался период реакции, который достиг своей кульминации в конце августа, когда генерал Корнилов попытался совершить контрреволюционный переворот. Среди прочего, за этот период Временное правительство ввело смертную казнь на фронте, распустило финский парламент (после того как его социал-демократическое большинство проголосовало за автономию) и попыталось арестовать Центральный Комитет Балтийского флота (выборную организацию матросов) за его отказ отправить в Петроград суда для борьбы с июльскими демонстрантами.

Лево-меньшевистская газета “Новая жизнь” 11 июля, за несколько дней до ее закрытия правительством, так описывала политическую обстановку:

“Контрреволюция делает успехи не по дням, а по часам. Обыски и аресты — и какие аресты! — охранники Царской России не позволяли себе такого наглого поведения, на какое решается буржуазная молодежь с юнкерскими погонами, наводящая нынче “порядок” в Петрограде”.

Эти репрессии были поддержаны умеренными социалистами ВЦИКа, хотя они и осудили некоторые перегибы и постарались несколько умерить рвение правительства. Меншевистская “Рабочая газета” признавалась: *“Формально диктатура Временного правительства объявлена. Но фактически ЦИК рабочих и солдатских депутатов участвует в этой диктатуре”.*

Июльские дни внесли раскол в ряды трудящихся классов. В Петрограде большинство рабочих требовало перехода власти к Советам и поддерживало большевиков, в то время как в остальных регионах России большинство рабочих и крестьян все еще поддерживало меньшевиков и эсэров, которые в свою очередь поддерживали Временное правительство. Кровопролитие, репрессии, очевидное предательство умеренных социалистов, санкционировавших репрессии против рабочих и солдат, и осознание своей политической изоляции — все это сильно обескуражило рабочих Петрограда, вынудило их уйти в оборону.

Но к началу осени ситуация опять круто изменилась: рабочие всех крупных промышленных центров России отзывали меньшевиков и эсэров из местных Советов, избирая на их место большевиков и в меньшей степени левых эсэров, тоже сторонников советской власти.

Предприниматели переходят в наступление

Изменение в соотношении политических сил после Июльских дней позволило предпринимателям проводить более агрессивную политику как на экономическом, так и на политическом фронте. Но даже после поражения Корнилова, в конце августа, воинственность промышленников не уменьшалась. Наоборот, потеря надежды на скорую победу военной контрреволюции побудила их еще более усилить экономическое наступление против рабочих, поскольку экономическая власть буржуазии, в конечном итоге, была ее главной и последней линией обороны, за которой отступить было уже некуда.

До июля закрывались в основном мелкие и средние промышленные предприятия. А в июле и августе директора многочисленных крупных предприятий, как государственных, так и частных, объявили о своем намерении их закрыть. Петроградский Профсоюз рабочих-металлистов (в

металлообрабатывающей промышленности было занято почти две трети промышленных рабочих Петрограда) сообщил в августе о том, что хозяева собираются скоро закрыть 25 заводов и сократить производство на 137 заводах.

Между тем по словам Суханова, члена Экономического отдела Петроградского Совета, *“государственное регулирование не пошло дальше плана монополии на сахар. Совет Съездов представителей промышленности и торговли [организация предпринимателей - ДМ] был занят исключительно своим наступлением на рабочих. Временное правительство бездействовало, а ЦИК поддерживал Временное правительство”*.

В сентябре состоялось очередное собрание Экономического отдела Петроградского Совета:

“Из двенадцати присутствовавших там, большинство было меньшевики и далеко не из левых. Официально они все были за коалицию. Но здесь с фактами в руках они рисовали сокрушительную картину экономической политики коалиции. Даже самый блестящий политический агитатор не мог бы это делать лучше. Я не знаю, как их взгляды совмещались у них в голове”.

Правительство по-прежнему ничего не делало для того, чтобы остановить углубляющийся кризис. Но оно сочло нужным снова заняться своим планом по “разгрузке” столицы от промышленных предприятий. Операция должна была оплачиваться за счет государства. Хотя делегаты сентябрьской конференции фабзавкомов считали план сомнительным с экономической точки зрения и в основном направленным против интересов рабочих, положение в промышленности стало уже настолько серьезным, что было решено разрешить эвакуацию в тех случаях, когда она давала настоящую надежду на продолжение производства и только под жестким контролем фабзавкомов.

Однако рядовые рабочие отвергли даже эту уступку. И недаром. Когда делегации от заводов, предназначенных к

эвакуации, прибывали на предлагаемое новое местоположение предприятия, они, как правило, находили условия совсем неподходящими для возобновления производства в обозримом будущем. Это, конечно, только укрепило убеждение рабочих в том, что “разгрузка” Петрограда была ничем иным как скрытым локаутом, предлогом для “разгрузки” столицы от ее наиболее революционных элементов.

Хотя экономический кризис все усиливался, промышленники продолжали упорно отвергать любые государственные планы экономического регулирования. У них уже было собственное объяснение причин кризиса: ослабление трудовой дисциплины и вмешательство рабочих организаций в жизнь заводов. Им было выгодно игнорировать тот факт, что происхождение кризиса относилось к началу войны, которая началась задолго до революции. А революция сначала даже приостановила кризис.

Предприниматели не скупались на предсказания скорого экономического краха. Самое знаменитое заявление сделал банкир и промышленник П.Рябушинский, предупредивший, что “костлявая рука голода” должна будет схватить рабочих за горло, прежде чем они поймут недобрую сущность их “лже-лидеров” из советов и других рабочих организаций. В своих мемуарах о Русской Революции американский социалист Джон Рид упоминает о разговоре за столом у одного петроградского промышленника во второй половине 1917 года. Хозяин был непоколебимо убежден в том, что промышленники не должны терпеть дальнейшего существования фабзавкомов и вмешательства рабочих в сферу деятельности заводоуправления. Он выразил надежду, что иностранная интервенция положит конец распространению таких пагубных идей, как идея “социальной революции”. Однако, продолжал он, даже и без иностранной интервенции “голод и поражение в войне могут заставить русский народ опомниться”.

В начале сентября Комитет Объединенной Промышленности (организация предпринимателей) направил

министру труда записку об “Условиях для восстановления промышленности”. В ней Комитет призывал принять следующие неотложные меры: предоставить начальству исключительные полномочия увольнять и принимать на работу рабочих и применять меры наказания вплоть до их увольнения; исключить фабзавкомы, советы и другие рабочие организации из сферы управления заводами; освободить администрацию от всяких обязательств по отношению к этим организациям и, наконец, уволить рабочих, производительность труда которых упала ниже уровня предыдущего года. *“Без таких мер воздействия на рабочие массы, — заключалось в письме, — промышленности грозит полное закрытие”*.

Период после Июльских дней был отмечен мощным наступлением промышленников на заводские комитеты и на завоеванные ими права собираться в рабочее время с сохранением зарплаты и контролировать прием на работу, увольнение и “внутренний распорядок” завода вообще. Промышленники даже требовали отмены отсрочки от военной службы членов Петроградского Совета фабзавкомов! Министр труда Скобелев, меньшевик, не без сочувствия относился к требованиям промышленников. В августе он разослал две записки, отрицавшие права фабзавкомов собираться в рабочее время без разрешения администрации и контролировать прием и увольнения рабочих.

В докладе, представленном на Конференции фабзавкомов в августе, говорилось о “новых наступлениях ежедневно против прав заводских комитетов”. Хозяева теперь уже отказывались иметь дело с Центральным Советом фабзавкомов:

“В начале деятельности Центрального Совета по улаживанию конфликтов предприниматели легко поддавались воздействию в личных разговорах с представителями Совета, но теперь они становятся все менее податливыми, ссылаясь в своем упорстве на Общество фабрикантов и заводчиков и не считаясь с авторитетом Центрального Совета как учреждения не государственного”.

Рабочим была ясна цель наступления промышленников: борясь с фабзавкомами, они хотели устранить последнее препятствие на пути к закрытию предприятий. Когда администрация машиностроительного завода “Вулкан” отказалась выплатить зарплату членам завкома, комитет обратился в Центральный Совет фабзавкомов со следующим письмом:

“Как вы знаете, фабзавком уже не раз защищал существование завода по отношению к финансам и поднятию производительности. Но саботаж со стороны администрации продолжается. Он выражается как в полной технической неисправности основных цехов, так и в крайне сложных условиях, в которых завком должен пытаться осуществить общее тарифное соглашение на заводе. А теперь администрация принимает новые меры саботажа. Она решила совсем не выплачивать денег заводскому комитету, всего одиннадцати членам, в том числе комиссии по техническому контролю, тарифной комиссии, следственной комиссии и примирительной комиссии. Эта мера - не только общее наступление против заводских организаций (администрация ссылается на Скобелева), но она бьет по самому существованию завода, потому что и без того заводской комитет лишь с большим трудом существует теперь среди напряженных рабочих, стоящих у неисправных станков и плохо оплачиваемых, и с заводской администрацией, постоянно угрожающей закрыть завод и сократить рабочую силу”.

От контроля к непосредственному вмешательству в управление

Усиленное наступление промышленников подрывало главную предпосылку движения за рабочий контроль — наличие капиталистической администрации, заинтересованной в дальнейшем ведении дел. Рабочий завода “Динамо” говорил на августовской Конференции фабзавкомов: *“Нам говорят, что необходимо контролировать, но что мы будем*

контролировать, когда теперь же остаются только одни стены, пустые стены?”

В этот период фабзавкомы стали все более активно и непосредственно вовлекаться в сферу управления производством.

В октябре на Всероссийской конференции фабзавкомов, незадолго до восстания, В.Шмидт, лидер Профсоюза рабочих-металлистов заметил, что *“фабрично-заводские комитеты против своей воли вмешиваются в производство, отступая от непосредственных задач контроля”*.

На заводе “Вулкан” в начале июля администрация угрожала сократить производство и, возможно, закрыть завод, ссылаясь на резкое падение производительности. На это завком ответил созданием комиссии для выяснения ситуации и причин ее возникновения. Комиссия дала целый ряд рекомендаций для сокращения брака и обеспечения трудовой дисциплины. Она также рекомендовала конкретные меры технического усовершенствования производства. Все эти предложения были одобрены на общем собрании рабочих, которые согласились работать сверхурочно, когда это было оправдано интересами производства.

Предложения комиссии по сокращению брака и укреплению дисциплины были приняты администрацией, поскольку, как она утверждала, они относились к сфере “внутреннего распорядка”, которым занимался завком. С этим администрация могла примириться. И действительно, эти меры привели к значительному повышению производительности на предприятии. Но администрация отказалась принять технические рекомендации, поскольку считала, что эти вопросы входят уже в сферу деятельности заводоуправления, куда никоим образом нельзя было допускать рабочие организации. Несмотря на свой отказ от технических рекомендаций завкома, администрация объявила о немедленном увольнении 640 рабочих, за которым вскоре должны были последовать новые сокращения.

Рабочие “Вулкана” ответили ультимативным требованием заменить директора. В конце концов вмешалось правительство и установило государственный контроль над администрацией, пообещав взволнованным рабочим сместить директора, если подтвердятся их обвинения в саботаже.

Один из самых известных случаев прямого вмешательства рабочих в управление в то время произошел на минном и снарядном заводе “Новый Парвийнен”. В результате удалось сохранить 1630 рабочих мест, намеченных к сокращению. Когда администрация объявила о сокращениях, ссылаясь на нехватку топлива, завком при помощи Центрального Совета фабзавкомов создал следственную комиссию, которая обнаружила, что топливо нерационально расходуется. Комиссия предложила меры, позволяющие экономить до 30% топлива. После некоторого сопротивления директор, наконец, согласился с заключениями комиссии и принял ее рекомендации. Тогда завком выработал инструкции по расходу топлива для каждого вида работы на предприятии.

Фабзавкомы отказываются от ответственности за производство

Несмотря на все более решительный характер своей деятельности, фабзавкомы продолжали отказываться от ответственности за производство и от всех предложений формально участвовать в управлении заводом. На целом ряде конференций, проходивших в октябре в Петрограде, — конференции представителей фабзавкомов и других рабочих организаций, Всероссийской конференции фабзавкомов, Всероссийской конференции Артиллерийского и Морского управлений — делегаты подтвердили эту позицию, строго ограничив деятельность завкомов исключительно контролем над заводоуправлением посредством контрольных комиссий, полностью отделенных от администрации.

На то были свои причины. Частично рабочие боялись, что фабзавкомы будут использованы администрацией, которая хочет переложить ответственность за сокращения и закрытие предприятий на комитеты, не давая им, однако, реальной возможности предпринимать меры для спасения производства. Члены завкома Путиловского завода привели этот довод во время обсуждения предложения правительства создать совместную постоянную комиссию из представителей рабочих и администрации “для регулирования всей работы завода”. Отмечалось, что завкому предложили меньшинство мест в комиссии. К тому же правительство не допускало участия в комиссии посторонних рабочих организаций, например, Центрального Совета фабзавкомов. Как сказал один из членов завкома:

“Предприниматели в настоящее время изыскивают все пути, чтобы рабочие сами себя секли кнутом. Мы без функции действительного контроля в этот орган идти не должны. Когда оказалось, что правительство [оно же реквизировало завод в 1916 году - ДМ] без нас обойтись не может и что ему туго, тогда оно пришло за помощью к нам, но мы тогда окажем ему помощь, когда оно даст нам гарантию в том, что мы являемся действительными контролерами, а иначе идти мы не должны и на ту удочку, которую они забросили, мы попасться не должны”.

Другой причиной отказа от формального участия в управлении было нежелание фабзавкомов участвовать в эксплуатации рабочих, поскольку предприятия были капиталистическими. В октябре на Всероссийской тарифной конференции Профсоюза рабочих-металлистов член исполнительного комитета профсоюза А. Гастев критиковал то, что он расценивал как “трогательную солидарность [фабзавкомов - ДМ] с администрацией”. Старый профсоюзный деятель и большевик Н.Рязанов охарактеризовал фабзавкомы как невольных “агентов предпринимателя”.

Но самой главной причиной отказа от формального участия в управлении было нежелание фабзавкомов взять на себя ответственность за выполнение задачи, к которой они не чувствовали себя готовыми. Поэтому пока администрация управляла предприятием более или менее добросовестно, завкомы предпочитали оставлять ответственность в ее руках. На Всероссийской конференции фабзавкомов большевистский экономист Ларин, говоря о будущем, после перехода власти к советам, предложил, чтобы фабзавкомы делегировали по одному члену с правом совещательного голоса в каждый отдел заводской администрации для надзора за выполнением плана, который будет разработан предполагаемой центральной экономической властью, состоящей преимущественно из рабочих представителей.

Но такие активисты движения фабзавкомов, как В.Чубарь, возражали, говоря, что в таком случае:

“Члены заводских комитетов могут превратиться в “толкачей”, которых администрация использует для подсобной работы, оставаясь сама вне активной деятельности. В практике казенных заводов такие явления уже наблюдались. Кроме того, при вхождении рабочих в заводоуправление, хотя бы с правом совещательного голоса, в критический момент (а он теперь постоянно возможен) рабочая масса обратит все свое недовольство на заводский комитет, обвиняя его в том, что не было предпринято шагов для предотвращения всех заминок в производстве. Таким образом, вхождение членов заводского комитета в заводоуправление будет сеять рознь в среде самих рабочих”.

Вместо этого Чубарь предложил заводским комитетам ограничиться контролем посредством контрольных комиссий, совершенно отдельных от администрации.

Активисты фабзавкомов, конечно, понимали, что на практике они все больше были вынуждены выходить за рамки первоначального замысла контроля и вовлекаться непосредственно в административную деятельность. Но они все

еще были склонны рассматривать эту деятельность как исключение, диктуемое обстоятельствами, и отказывались делать из этого далеко идущие выводы. Большевистский экономист В.Милютин, выступавший с докладом о рабочем контроле на Всероссийской конференции фабзавкомов накануне Октябрьской революции, отразил эту позицию: *“Многие товарищи указывали, что в докладах не выяснены распорядительные функции заводских комитетов. Это сделано сознательно, так как хозяйственные функции — это только неизбежное зло, которое отнюдь не следует вводить в систему”*.

Резолюция Милютина была принята большинством — 65 голосами против 8. Предложение анархистов, чтобы рабочие немедленно взяли управление заводом в свои руки, получило только 5 голосов.

Низы принуждают завкомы активнее вмешиваться в управление

Но “сама жизнь” толкала фабзавкомы к более активному вмешательству в сферу управления. Очень сильно было давление со стороны рядовых рабочих, настроение которых становилось все более напряженным из-за возрастающей угрозы массовой безработицы. Рабочие хотели спасти свои предприятия и в отличие от своих выборных представителей в фабзавкомах, которым предстояло взять на себя прямую ответственность за управление предприятием, их не так волновала сложность задачи.

В октябре директор государственного Адмиралтейского судостроительного завода отмечал:

“Наблюдается, под давлением рабочих, отклонение комитетов от прямой и плодотворной их деятельности в сторону предварительного контроля над администрацией, иными словами — в сторону управления заводом”.

В результате на некоторых предприятиях произошли столкновения между рабочими и фабзавкомами, когда последние пытались сдерживать рабочих, предупреждая их от слишком смелых действий по отношению к администрации. В большинстве таких случаев комитетам удавалось, в конце концов, убедить рабочих в правоте своей позиции.

В сентябре на заводе “Вулкан”, например, снова обострились отношения между рабочими и дирекцией. Начальство угрожало сократить рабочие места и даже закрыть завод. Оно все еще отказывалось применить предложенные завкомом меры технического улучшения или давать рабочим информацию о положении на заводе. И вдобавок директор начал, как утверждали в своем докладе члены завкома, вести себя “нахально”, используя в обращении с представителями рабочих такие выражения, как “держи язык за зубами”.

Когда рабочие узнали об этом оскорблении, они решили на общем собрании, вопреки совету фабзавкома, что если директор не уберется с предприятия в течение 48 часов, то *“общее собрание освободит заводской комитет от всякой ответственности за действия, которые рабочие могут предпринять по отношению к администрации”*. Опасаясь, что действия рабочих могут побудить начальство закрыть завод, завком быстро добился вмешательства городских рабочих организаций и самого государства. Государство, наконец, согласилось установить контроль совместно с завкомом.

В своем докладе ЦК большевиков от 16 октября Н.Скрыпник, член Центрального Совета фабзавкомов, утверждал: *“Повсюду замечается тяга к практическим результатам. Резолюции уже не удовлетворяют. Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроения масс; первые — более консервативные; замечается рост влияния анархо-синдикалистов, особенно в Нарвском и Московском районах”*.

На этом фоне осенью и в начале зимы 1917 года происходило кратковременное усиление влияния анархистов в

столице, особенно в таких районах, как Нарвский и Московский, в которых были большие отряды неквалифицированных рабочих, до недавнего времени сторонников эсэров. Эти рабочие впервые активно вошли в политическую жизнь во время выступления генерала Корнилова, но они быстро разочаровались в политике. Экономическое положение ухудшалось, всеобщий крах был не за горами, а политическая деятельность пока не приносила никаких ощутимых результатов. А анархисты уделяли мало внимания вопросу государственной власти, призывая рабочих к прямым действиям на самих предприятиях. В условиях осени 1917 года такие призывы находили определенный отклик, особенно в массе политически неопытных рабочих, недавно пришедших из деревни.

На проходившем 15 октября собрании Петроградского Комитета большевиков делегат Нарвского района докладывал, что “среди отсталых масс - равнодушие к политике”. Делегат Петроградского района: “Там, где наше влияние слабое, там апатия, идет борьба с заводским комитетом”.

Недовольство результатами движения за рабочий контроль и вопрос о государственной власти

Не только рядовые рабочие, но и сами активисты фабзавкомов были не удовлетворены результатами движения за рабочий контроль. И если осенью 1917 года предприятия продолжали работать, то во многом это была заслуга фабзавкомов. Именно благодаря их бдительности и активности удалось сохранить целостность промышленного рабочего класса столицы, авангарда рабочего движения, на несколько месяцев больше, чем это было бы возможно, дай они полную свободу промышленникам и правительству. Но хотя фабзавкомы могли замедлить ход экономического кризиса, остановить его они не могли.

Кроме того, эффективный контроль в виде постоянного надзора за деятельностью администрации, включая доступ к документам и прочей информации, удавалось установить перед Октябрем на частных предприятиях лишь в редких случаях. Он существовал главным образом на казенных предприятиях и на тех частных, где рабочие могли создать перевес сил в свою пользу. Но ввести полнокровный контроль большей частью удавалось только уже после попытки хозяина закрыть предприятие.

26-го сентября члены Путиловского завкома обсудили намечаемое увольнение 5000 рабочих. Председатель завкома Глебов заявил: *“Администрация опустила руки и брать на себя расчет едва ли будет и, по всей видимости, нам самим придется взяться за это грязное дело: виноваты, конечно, во всем этом представители верхов, кои до сего времени не допускали нас близко к контролю”*. Другой член завкома Войцеховский добавил: *“Теперь мы должны добиться и того, чтобы нам было дано право контроля, и не пора ли положить конец хождению нашему по мастерским завода”*.

Недовольство было огромным. Но все дискуссии о введении эффективного контроля, в конце концов, упирались в вопрос о политическом соотношении сил и о государственной власти. Сурков, делегат августовской Конференции фабзавкомов столицы, жаловался:

“На первой конференции [в конце мая - ДМ] мы ожидали, что приветствовать вторую нам придется среди блестящих успехов. Но революционная волна остановилась, и те, кому это выгодно, сумели этим воспользоваться, и в результате наша деятельность в значительной степени парализована”.

На Четвертой конференции в октябре Егоров, делегат от Путиловской верфи, отметил, что хотя предстоящая Всероссийская Конференция фабзавкомов будет важна, она сама по себе не решит проблем рабочих на предприятиях:

“Мы все слишком хорошо знакомы с заводской жизнью, чтобы отрицать необходимость конференции. Мы знаем, как

часто заводские комитеты оказываются бессильными, зная, каким образом можно предотвратить приостановку работ на заводах, но не имея возможности вмешаться. Конференция может дать ценные указания. Но не надо обманываться, будто конференция может нас вывести из тупика. И частные и правительственные правления саботируют производство, ссылаясь на Общество фабрикантов и заводчиков, они еще сильны. И конференция в первую очередь должна указать на те препятствия, которые мешают людям дела спасти страну. Препятствия эти ставятся нам буржуазной властью. Только реорганизация власти даст нам возможность широко развить свою деятельность”.

На Всероссийской конференции Скрыпник так отвечал делегатам, выразившим разочарование результатами деятельности фабзавкомов:

“Они, очевидно, обольщали себя иллюзиями. Но наши конференции говорили, что при власти буржуазии мы не сумеем провести последовательного контроля. Будущий [всероссийский - ДМ] центр окажется в таких же условиях, и говорить о контрольной палате при буржуазной власти невозможно. А потому рабочий класс не может пройти мимо власти, как рекомендует тов.Ренев [анархист - ДМ]. Созываемая нами конференция выработает экономический план, отвечающий интересам пролетариата, и совместно со всеми рабочими организациями будет бороться за условия его осуществления”.

Срочная необходимость в общегосударственном регулировании и в рабочем контроле на предприятиях для предотвращения надвигающегося краха была самым веским доводом для рабочих в пользу немедленного восстания, которое передало бы власть Советам. Неотложность решения экономических проблем заставила рабочих преодолеть свой страх перед таким судьбоносным “прыжком в неведомое”. Надвигающаяся экономическая катастрофа, которая особенно после поражения Корнилова стала последним козырем имущих

классов, не позволяла ждать созыва Учредительного собрания, выборы в которое уже дважды откладывались Временным правительством.

15 октября на совместном собрании Исполнительного комитета Совета Профсоюзов Петрограда и исполнительных комитетов профсоюзов вместе с Центральным Советом фабзавкомов и представителями Городской Думы и всех социалистических партий обсуждалось положение с продовольствием и безработицей в столице. Картина, нарисованная выступавшими, похожа была на готовую взорваться плотину. Временное правительство подвергалось сокрушительной критике за его обструкционистскую политику и потворство имущим классам. Собравшиеся приняли следующее постановление:

“Безработица, растущая с каждым днем, вызывается не только общими условиями капиталистического хозяйства. Усиливаемая условиями военного времени, она обостряется всей экономической и финансовой политикой коалиционного правительства, которое систематически ослабляет все революционно-демократические организации и отдает руководство всей хозяйственной жизнью страны в руки землевладельцев и промышленников.

Считая неперемным условием успешной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой переход власти в руки революционной демократии — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — собрание полагает, что для смягчения бедствий безработицы необходимо проведение следующих мер...”

Среди предложенных мер были: рабочий контроль на предприятиях и в общегосударственном масштабе, установление законодательным путем восьмичасового рабочего дня, конверсия военной промышленности, программа общественных работ и др.

На собрании ЦК большевиков 16 октября Шмидт, лидер Профсоюза Рабочих-металлистов, так обрисовал отношение рабочих к вопросу о восстании:

“Ввиду определенных экономических условий можно ожидать в ближайшее время колоссальной безработицы. В связи с этим и настроение выжидательное. Все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения. Требуют всей власти советам”.

Рабочий контроль + власть Советов = социализм?

Несмотря на надежды, возлагаемые на переход власти в руки Советов, фабзавкомы, состоявшие тогда в основном из рабочих-большевиков, продолжали считать своей задачей лишь контроль, а не захват предприятий и управление ими. Скрыпник, выступая накануне восстания от имени Центрального Совета фабзавкомов на Всероссийской конференции, сказал: *“Рабочий контроль — еще не социализм, это лишь одна из переходных мер, приближающих нас к социализму”*.

На вопрос, возможен ли рабочий контроль при капитализме, экономист Ларин ответил:

“Речь идет не о социалистической революции, а о новых методах производства и наблюдения за ним... Но контроль мы связываем с регулированием промышленности. Поэтому мы говорим, что нашими демократическими организациями должен быть создан план хозяйства для всей страны. И только на основе этого плана фабрично-заводские комитеты будут следить за тем, чтобы план осуществлялся... Захватом отдельных предприятий, как предлагает тов. Жук [анархист - ДМ], ничего не сделаем”.

Делегаты-анархисты предлагали лозунг “заводы — рабочим, землю — крестьянам”. Член Центрального Совета фабзавкомов Евдокимов, печатник-большевик, возражал:

“Требование передачи рабочим всех фабрик и заводов преждевременно, оно означает переход к социалистическому строю, но время социализма еще не настало. Самый многочисленный класс в России - крестьянство, крестьянин же, как мелкий буржуа, индивидуалистичен”.

Подобную позицию занимало и руководство большевистской партии. Комментируя декларацию Троцкого на Демократическом совещании в сентябре, Суханов писал:

“Все это очень неясно и несолидно, но совершенно чуждо утопизму. Декларация отнюдь не ставит социализма в порядок дня советской власти. Ее содержание, в сущности, не выходит за пределы знакомой нам экономической программы 16 мая, принятой старым [меньшевистско-эсэровским - ДМ] исполнительным комитетом для проведения ее коалиционным правительством. Коалиция ее провести, конечно, не могла. Ибо эта программа в корне подрывала экономическое господство капитала. Для [фабриканта - ДМ] Коновалова это было равно социализму. Но по существу, до социализма тут было далеко”.

На всех конференциях фабзавкомов призывы анархистов к немедленному захвату предприятий не находили у большинства делегатов поддержки. Очевидно, что активисты движения за рабочий контроль в своем большинстве не считали переход непосредственно к рабочему управлению предприятиями одной из ближайших задач советской власти. Они рассчитывали на то, что политическая власть рабочих создаст, наконец, условия для эффективного рабочего контроля над администрацией предприятий, которые останутся пока в частных руках.

Но эта перспектива опять же зависела от готовности частной администрации работать под контролем рабочих. Опыт фабзавкомов до сих пор показывал, что такое предположение было весьма зыбким. В конце концов, встал тот же вопрос, заданный летом делегатом от завода “Динамо”: *“Нам говорят, что необходимо контролировать. Но что мы будем контролировать, когда теперь же остаются только стены, пустые стены?”*

Член Центрального Совета фабзавкомов Левин, хотя он утверждал, что контроль не есть захват предприятий, добавил:

“Очень может быть, что мы стоим перед забастовкой капиталистов и промышленников. Мы должны быть готовы взять предприятия в свои руки, чтобы сделать бессильным голод, на который буржуазия так надеется, как на контрреволюционную силу”.

Но рабочие предчувствовали, к чему все идет, и на практике они не останавливались перед самыми решительными действиями, когда речь уже заходила о спасении их предприятий. Поэтому удивительно, почему они, как и их лидеры, так упорно цеплялись за свою первоначальную буржуазно-демократическую концепцию революции.

Одной из причин, как отмечалось выше, было нежелание брать на себя формальную ответственность за управление экономикой.

“Царизм сделал все от него зависящее, чтобы оставить нас неподготовленными, - посетовал один делегат на августовской Конференции фабзавкомов. - И естественно, что у нас всюду и в политических и в экономических организациях не хватает людей”.

Такие жалобы были подтекстом всех дискуссий на этой конференции. Вслед за поражением Июльских дней рабочие испугались своей политической изолированности. Но они не собирались сдаваться. Так, делегат от завода Общества беспроводных телеграфов и телефонов Максимов заявил:

“Буржуазия вполне понимает свое положение и высказала это вполне определенно словами Рябушинского, сказавшего, что нужно подождать, пока голод возьмет за горло рабочий класс и уничтожит все его завоевания. Но пока они схватят за горло, мы еще поборемся, и если мы погибнем, то в честном бою, а от своей борьбы мы не отступим”.

V. ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ: ОТ РАБОЧЕГО КОНТРОЛЯ К РАБОЧЕМУ УПРАВЛЕНИЮ

“Узкий” или “широкий” контроль?

После перехода власти к Советам усилилась уже наметившаяся тенденция перерастания контроля в непосредственное участие в управлении производством. Это изменило понимание фабзавкомаами содержания контроля. Если до Октября они утверждали, что их задача — лишь надзор и только в исключительных случаях прямое вмешательство в управление, если до Октября они решительно отказывались брать на себя ответственность за производство, то теперь при сильной поддержке рабочих низов они стали добиваться права на прямое и широкое участие в управлении на постоянной основе. Более того, они выступали против паритета с дирекцией в контрольных органах и за перевес в пользу рабочих. И

наконец, решения фабзавкомов должны были быть обязательными для администрации.

Против этой позиции выступали “товарищи справа”, как их назвал один завкомовский активист. Это были умеренные большевики и меньшевики, часто профсоюзные деятели. Они утверждали, что фабзавкомы должны иметь лишь право контроля в узком смысле “пассивного” надзора над администрацией. А для принятия активных мер против администрации они должны обращаться в вышестоящие органы профсоюзов или в правительство, но сами не должны вмешиваться в управление.

Всероссийский Совет профсоюзов принял инструкцию, подготовленную Лариным, в которой было четко сказано, что функции управления принадлежат владельцам и что контрольные комиссии фабзавкомов имеют право лишь обращаться к государству по вопросу о конфискации предприятий, а сами захватывать их или управлять ими не могут.

В отличие от этого узкого определения контроля Центральный Совет фабзавкомов разработал собственный Проект о рабочем контроле, который предоставлял фабзавномам широкие полномочия для непосредственного и постоянного участия в управлении:

“Рабочий контроль промышленности, как составная часть контроля над всей производственной жизнью страны, нельзя рассматривать в узком смысле как ревизию, а наоборот, в самом широком смысле как вмешательство в распоряжение предпринимателем капиталом, инвентарем, сырьем и готовыми товарами, принадлежащими предприятию; в смысле активного надзора за правильным и рациональным выполнением заказов, использованием энергии и рабочей силы и за участием в организации самого производства на рациональной основе и т.д. и т.п.”

На совместной конференции Совета делегатов Профсоюза Рабочих-металлистов Петрограда (одного из самых левых

профсоюзов) с представителями завкомов целый ряд выступавших потребовал отклонить проект Ларина как связывающий *“руки рабочих тогда, когда Проект о рабочем контроле позволяет рабочим большую самостоятельность и делает их фактическими хозяевами данного предприятия”*.

Не нужно далеко ходить, чтобы найти причину изменения позиции фабзавкомов после Октября. Разочарованные результатами борьбы за рабочий контроль при Временном правительстве, они с нетерпением ожидали, что переход власти к Советам изменит соотношение политических сил и в результате усилит их положение на предприятиях, развязывая им руки по отношению к саботирующей производство администрации. Таким образом, Октябрьский переворот высвободил накопившуюся огромную энергию фабзавкомов.

В то же время ход экономического кризиса ускорился почти сразу же после переворота - производство сокращалось быстрыми темпами, безработица росла. Если в начале 1917 года промышленных рабочих в Петрограде и окрестностях было 406312 человек, то к началу 1918 их стало только 339641. В металлообрабатывающей промышленности сокращение было еще более резким: с 246679 рабочих до 197686. Эти сокращения произошли в основном в ноябре и декабре.

В таких условиях фабзавкомов не удовлетворял узкий контроль. *“Как вы собираетесь контролировать заводы, которые закрываются?”* - спрашивал делегат на ноябрьской Конференции фабзавкомов Петрограда.

22 ноября комитет Металлического завода направил следующее письмо директору:

“Ввиду твердого намерения заводоуправления уничтожить предприятия, мы, рабочие и служащие, вынуждены защитить свое право на свободный труд и жизнь и на основе закона создали рабочее правление (контрольно-распорядительную комиссию) для совместного управления с администрацией”.

Но если основная динамика ситуации оставалась такой же, как до Октября, то теперь, накануне полного экономического краха и после перехода власти к Советам, фабзавкомы больше не считали свое вмешательство в сферу администрации исключением и “неизбежным злом”, которое не надо возводить в систему. Наоборот, они как раз стремились теперь такое вмешательство возвести в эффективную систему.

Рабочий контроль на предприятиях и вопрос о государственном регулировании народного хозяйства

Позиция таких “товарищей справа”, как, например, секретаря Всероссийского Центрального Совета профсоюзов Лозовского или экономиста Ларина (оба большевики), которая несомненно пользовалась определенной поддержкой среди профсоюзных активистов, была основана на соображении, что механизм контроля и регулирования должен быть построен из центра, начиная с создания общегосударственного органа регулирования и плана для всего народного хозяйства. Задача фабзавкомов — следить за осуществлением этого плана. Они считали наделение фабзавкомов широкими полномочиями анархическим уклоном, который благоприятствовал бы интересам отдельных предприятий в ущерб интересам отрасли в целом и всего народа.

Этот довод в принципе заслуживал уважения, тем более в условиях всеобщего кризиса и суровой нехватки сырья и топлива. Но дело в том, что активисты фабзавкомов и сами рядовые рабочие тоже выступали за централизованное регулирование. Они добивались власти на предприятиях не самой власти ради. Во всех резолюциях, принятых на конференциях фабзавкомов, подчеркивалось, что эффективным рабочий контроль сможет быть только в рамках общегосударственной системы регулирования.

Но на практике такой общегосударственной системы не существовало в первые после Октябрьской революции месяцы.

Причиной этого была не оппозиция фабзавкомов такой системе, а физическая невозможность быстро, начав с нуля, построить эффективную систему регулирования, особенно в условиях, когда чиновники старого государственного аппарата бастовали, протестуя против захвата власти Советами, и когда подавляющее большинство людей с высшим образованием, включая тех, которые называли себя социалистами, бойкотировало новую власть.

14 ноября ВЦИК Советов принял Закон о рабочем контроле. Это был компромиссный вариант, хотя все же ближе к позиции фабзавкомов. Видный большевистский экономист В.Милютин, человек вообще далекий от анархических склонностей, защищал новый закон против острой критики “правых”, в частности Лозовского. Он признавался, что в принципе разработка общего экономического плана и создание общегосударственной структуры регулирования должны были бы предшествовать введению контроля на предприятиях. *“Но сама жизнь, требуя немедленного вмешательства, заставила комитеты в какой-то степени пожертвовать планомерностью системы”*. А что касается вопроса о том, нужно ли организовать контроль сверху или снизу, - объяснял он, - решено было начать с того, что уже существовало, то есть с фабзавкомов и их Центрального Совета, расширяя их включением представителей от профсоюзов и Советов.

Участники Конференции фабзавкомов Петрограда, проходившей в конце января 1918 года, сильно жаловались на “нехватку сил” - квалифицированных, опытных людей - в центральных экономических органах. Так, делегат от завода Барановского рассказал, как он удивился, когда пришел в местный Совет народного хозяйства и нашел там всего десять-двадцать человек, “где их должно было быть сто”. Отвечая за Центральный Совет фабзавкомов, Животов признавал критику справедливой, но объяснял, что просто не хватает квалифицированных людей. Члены Центрального Совета были

настолько перегружены, что сами даже не всегда могли появляться на его заседаниях.

В конце января меньшевистский публицист В.Базаров следующим образом описал Советскому правительству возможные варианты действий:

“Или войти в известное деловое соглашение с классом капиталистов, или организовать производство силами государственной власти. Надо ли сказать, что ни первое, ни второе решение задачи невыполнимо для теперешнего правительства: первое — по соображениям политическим, второе — вследствие фактического бессилия”.

Это была во многом точная оценка положения, сложившегося в первые месяцы советской власти. Но вряд ли было бы справедливо винить только новое правительство за те трудности, с которыми оно столкнулось при создании системы регулирования, поскольку новую власть бойкотировало подавляющее большинство образованного слоя общества.

Именно поэтому фабзавкомы одержали победу над “товарищами справа” к великому неудовольствию Базарова, который защищал идею “государственного регулирования”, которая бы оставила фабзавкомам мало возможностей для непосредственного вмешательства в сферу управления предприятиями. Рабочие не могли дожидаться создания системы общегосударственного регулирования - в тот момент им нужно было спасать свои предприятия.

Вопрос о местничестве в деятельности фабзавкомов

Все это не значит, что раздававшиеся обвинения фабзавкомов в местничестве - в том, что они ставили интересы своих отдельных предприятий выше общих интересов рабочего класса, были безосновательны, особенно после того, как начали функционировать вновь созданные органы центрального регулирования. Например, в отчете Металлического отдела

Совета народного хозяйства Северной области от июня 1918 года говорилось:

“У отдела также были столкновения с рабочими организациями, особенно с завкомами. Завкомы, помимо всего прочего, защищают интересы своей собственной колокольни, стремясь найти сразу ту или иную субсидию, аванс, хотя деньги даются только после самого тщательного расследования на предприятии. Завкомы пытаются во что бы то ни стало возродить работу закрытых заводов, даже если для их открытия нет объективных оснований из-за отсутствия топлива или соответственно нужды в данном типе производства. Информация, которую мы получаем от завкомов, а также от администрации, всегда односторонняя... Завкомы, кроме всего прочего, осаждают властей и учреждения, перехватывают заказы, добиваются авансов и без разрешения, без одобрения Совета народного хозяйства Северной области открывают заводы. К сожалению, большинство таких заказов оказывались неосуществимыми, не говоря уже о том, что они очень дезорганизовывали работу отдела. Они неосуществимы, потому что многие заводы не подходили для данного типа производства... Металлический отдел должен будет вмешаться в эту работу, взять все заказы под свою юрисдикцию и в соответствии с интересами генерального государственного механизма реорганизовать их. Это не произойдет без борьбы рабочего правления с рабочими организациями”.

После Октябрьской революции фабзавкомы действительно проявляли огромное усердие, а также инициативу и творческий подход в деле защиты своих предприятий. Их преданность своим коллективам зачастую граничила с подвигом. Но в суровой экономической обстановке 1918 года, при крайней нехватке сырья и топлива, в условиях всеобщей экономической разрухи и военной угрозы сначала со стороны немцев и потом со стороны белых и их заграничных интервентов, было, наверное, неизбежно, что стремление каждого отдельного

завкома уберечь свой завод от закрытия все чаще и чаще вступало в конфликт с общими интересами, как их понимали центральные власти. Тут не надо искать злой воли. Это были разные точки зрения на проблемы. Ведь, в конце концов, тот самый “Центр”, то есть Совет народного хозяйства, в значительной степени состоял из людей, набранных из Центрального Совета фабзавкомов.

Оппозиция “справа” фабзавномам и защита прав частной собственности

Оппозиция меньшевиков и умеренных большевиков “широкому” толкованию контроля на самом деле не была основана на каком-то противостоянии рабочего контроля общегосударственному регулированию. Как мы уже видели, фабзавкомы не были противниками такого регулирования. Больше всего “товарищей справа” беспокоило то, что, по их мнению, рабочий контроль в широком его толковании был несовместим с частной собственностью, поскольку он слишком ограничивал право собственников распоряжаться своим имуществом, то есть предприятиями. Но, по мнению меньшевиков и правых большевиков, Россия еще не созрела для социализма - без помощи промышленников и их администрации революции не выжить.

Немудрено, что сами промышленники предпочитали позицию Ларина, то есть узкий, в сущности, пассивный контроль. И любопытно, что их аргументация была очень похожа на аргументацию “товарищей справа”. 23 января на экстренном заседании членов Петроградского отдела Всероссийского Общества кожевенных заводчиков докладчик описывал ситуацию следующими словами:

“Борьба между двумя течениями в рабочей среде еще не закончилась. С одной стороны, мы имеем дело с анархо-коммунистическими тенденциями фабрично-заводских комитетов, с другой же — с продуманной системой

постепенного перехода к государственному социализму на почве современного капиталистического строя. Это второе течение отстаивается активными деятелями профессионального движения вне зависимости от политической партийной принадлежности... При оценке, кто может спасти промышленность от полного и окончательного развала, можно без преувеличения сказать, что в настоящее время единственным союзником промышленности в этой борьбе между анархическими элементами и сознательными рабочими являются организации этого сознательного рабочего”.

Было бы наивно, конечно, думать, что кожевенные заводчики действительно приветствовали приход социализма в любой его форме, будь то “государственный” или какой-либо другой. Дело в том, что после Октябрьской революции промышленники были вынуждены смириться с тем, что власть в руках Советов. Им надо было выиграть время. Переход к “государственному” варианту социализма, по крайней мере, обещал быть достаточно длинным, чтобы дать возможность контрреволюционным силам сплотиться.

Кожевенные заводчики поэтому единодушно одобрили проект Ларина о рабочем контроле, лицемерно заявляя, что “*проверочный контроль, регулируемый в общегосударственном масштабе, всегда признаваемый промышленными организациями, является в данных условиях приемлемым с точки зрения необходимости сохранения промышленности”*. В поддержку резолюции докладчик даже ссылаясь на передовицу меньшевистской “Новой жизни”: “*При данных условиях возможно осуществить лишь государственное регулирование производства, при участии рабочих в контроле, но с сохранением частнокапиталистической основы предприятия, то есть частной собственности на орудия производства и прибыли. Осуществимо лишь ограничение прибыли”*.”

Рабочий контроль оказывается на практике

несовместимым с частной собственностью на предприятия

Вскоре выяснилось, что анализ “товарищей справа” был правильным. Рабочий контроль, в любом его толковании, не был совместим с частной собственностью в условиях, когда владельцы не были особенно заинтересованы продолжать поддерживать жизнь своих предприятий. Однако рабочие из этой ситуации извлекли как раз противоположный вывод - нужно было не ограничивать контроль, а расширять его вплоть до полной отмены частной собственности, если владелец не готов был сотрудничать с фабзавкомами.

Собственно говоря, “широкий” контроль был уже не контролем, а совместным управлением. Например, в докладе завкома Металлического завода объясняется, что коллектив создал “рабочее правление — контрольно-распорядительную комиссию — для совместного с дирекцией управления”. Здесь слова “контрольно” и “распорядительная”, которые в принципе должны исключать друг друга, объединены.

Фабзавкомы цеплялись за такие устаревшие термины, как “контроль”, даже когда они уже требовали не контроля, а непосредственного и систематического участия в управлении. Это опять доказательство того, что радикализация рабочих в 1917 году была в основном ответом на развитие объективной социально-политической обстановки, а не последствием какой-то идеологической обработки со стороны большевиков, якобы суливших темным массам молочные реки и кисельные берега в “социалистическом рае”, который их поджидает за углом.

Нарушить право хозяев на частную собственность рабочих толкало стремление сохранить предприятия, места работы и, в конечном итоге, защитить саму революцию, поскольку массовая безработица и рассредоточение рабочего класса означали бы уничтожение главной активной силы революции. Это было главным побуждением рабочих после Октября. Они не

стремились захватить предприятия из желания самим стать собственниками или ради осуществления какой-то идеологии.

Большинство рабочих, несомненно, были социалистами. Об этом ясно говорит их поведение на выборах в 1912-14 и в 1917 годах, когда они систематически отдавали свои голоса той или иной социалистической партии. Но, прежде всего, они были людьми дела, которые хотели кормить свои семьи и жить, как люди, а не как скот.

Как мы уже видели, совершая революцию в Феврале, рабочие считали ее буржуазно-демократической, а не социалистической. Ограничивая впоследствии власть частных хозяев на предприятиях, они исходили из понимания того, что другого выхода нет. Даже после Октября рабочие старались не провоцировать уход администрации опрометчивым введением контроля, если администрация работала добросовестно.

В январе комитет телефонного завода Эриксон, один из самых “красных” коллективов столицы, докладывал, что хотя администрация помогает искать топливо и сырье, она категорически отказывается предоставить завкому отчеты о финансовом и экономическом положении предприятия и даже угрожала уволиться, если завком будет настаивать. Поэтому, чтобы “избежать преждевременных осложнений, которые могли бы вызвать временную остановку” производства, завком решил пока не пользоваться своими законными правами. Меншевистская “Новая жизнь” одобряла это решение:

“Нужно отметить, что завком на Эриксоне, действуя в полном контакте с заводоуправлением, пользуется Декретом о рабочем контроле с большим разумом, не переоценивая свои силы. Так, например, он заморозил все финансовые активы акционерного общества и таким образом предотвратил их исчезновение с предприятия и перевод за границу. В то же время, завком никак не наступает на экономические прерогативы заводоуправления”.

Подобным же образом после Октября на Тентелевском химзаводе между рабочими и администрацией было достигнуто

соглашение, по которому рабочие признавали право администрации управлять заводом, тогда как хозяин признавал право рабочих на контроль в узком его смысле, то есть право надзора за деятельностью администрации, включая полный доступ к официальным документам.

Хозяин Новой бумагопрядильной фабрики вскоре после Октября покинул предприятие из-за контрольной деятельности фабкома. Он не желал больше терпеть то, что председатель рабочей контрольной комиссии тщательно проверяла каждый расход перед тем, как поставить свою подпись на чеке. Вне себя он ей, наконец, сказал: “Ладно, в таком случае вы займите мое место, а я уйду!” Председатель так и сделала. Вспоминая этот случай несколько лет спустя, она объясняла свою дерзость молодостью: “Я была всего лишь девочкой. Я подумала: а почему бы нет? Небольшая потеря”. Но она не просидела и десяти минут в директорском кресле, как ее вызвали на собрание остальные члены фабкома, которые ее сильно выругали: “Разве не знаешь, что мы не справимся без специалиста?” И они заменили ее другим рабочим.

Более сложной была ситуация на трикотажной фабрике Керстен. Хозяин предприятия спекулировал готовой продукцией и утаивал от контрольной комиссии свои финансовые операции. В результате контрольная комиссия поставила охранника у дверей кассы. Но это не разрешило конфликта и, в конце концов, рабочие арестовали директора вместе с главным бухгалтером. Этот акт вызвал забастовку служащих в поддержку администрации. На общем собрании рабочие постановили продолжать производство своими силами, несмотря на давление со стороны Профсоюза текстильщиков, который настаивал на необходимости поиска компромисса с хозяином. Но ввиду трудностей, с которыми рабочие столкнулись, уже через три дня они стали более уступчивыми и достигли соглашения с хозяином: рабочие согласились ограничиться узким контролем и подчиняться инструкциям, установленным высшими советскими властями. Со своей стороны заводоуправление

обязалось добросовестно вести дела. Однако через несколько дней хозяин исчез, прихватив с собой содержание заводского сейфа: 40000 золотых рублей.

Требование национализации предприятий

Побег хозяина фабрики Керстен оказался типичным. Несмотря на выдержку рабочих, на их готовность идти на компромиссы, рабочий контроль - в его и узком, и широком толковании - оказался лишь переходной мерой к национализации предприятий и полному устранению частных хозяев вместе с их администрацией там, где они еще оставались. В конце января 1918 года делегаты Шестой конференции фабзавкомов Петрограда, выступая против проекта Ларина и за широкую, активную форму контроля, уже призывали новое правительство немедленно приступить к созданию технического аппарата для подготовки передачи всех предприятий государству. Согласно резолюции конференции, во главе национализированных предприятий должны стоять рабочие комитеты под руководством советов народного хозяйства.

Объективная логика ситуации окончательно себя исчерпала. Рабочим ясно стало, что в подавляющем большинстве случаев, особенно на металлообрабатывающих предприятиях, отсутствовали предпосылки контроля - наличие частной администрации, заинтересованной в продолжении производства, которую можно было контролировать. Петроградское Общество заводчиков и фабрикантов к тому времени уже решило официально, что владельцы должны бросить предприятия, на которых рабочие пытались установить контроль, хотя на практике Общество рекомендовало закрывать предприятие только в том случае, если оно уже не представляло для хозяина никакой ценности. Деньги, как видим, выше принципов.

Но экономическая и политическая обстановка была тогда такова, что большинство хозяев решило, что не стоит продолжать производство. Это особенно касалось металлообрабатывающей промышленности, работа которой была приостановлена правительством на месяц в декабре для подготовки предприятий к переходу на мирное производство. Однако уже концу месяца стало ясно, что большинство заводов не будет открыто согласно графику.

В очень многих случаях причиной был отказ администрации - а часто и ИТР-овцев - участвовать в работе по конверсии. Еще до войны российская металлообрабатывающая промышленность сильно зависела от государственных военных заказов. Поэтому, когда советское правительство решило провести конверсию, хозяева вдруг потеряли последний интерес, который их еще удерживал на заводах. Первые просьбы коллективов о национализации своих предприятий были высказаны именно в связи с проблемами конверсии. Коллективы надеялись, что если государство возьмет в свои руки предприятия, они смогут еще работать.

Преобладающее мнение в рабочей среде было выражено в письме завкома того же "Вулкана" от 23 марта 1918 года. Мы уже видели, как завком с начала лета 1917 года вел войну с дирекцией для спасения предприятия:

"Поскольку вся политика администрации начиная с 1 июля 1917 года и до настоящего времени проводилась с явной целью закрытия завода (циркуляры администрации), и если завод еще не закрыт, то заслуга в поддержании жизни завода должна быть причислена завкому, который в своей деятельности, ежечасно сталкиваясь с огромными трудностями, проводил всю свою политику, стремясь поддержать жизнь заводов, считает формальным тот контроль, который готова принять администрация, поскольку хозяином предприятия по-прежнему будет администрация, в то время как ответственность за ведение дел завода будет целиком и полностью лежать на завкоме и соответственно двоевластие не будет уничтожено,

— *завком видит единственный выход в национализации завода, и эта петиция еще раз подтверждает это*”.

Даже Ларин, выступавший раньше против широкого контроля из страха отпугнуть владельцев и их администрацию, в конце концов, сам пришел к выводу, что рабочие и советское государство должны взять на себя непосредственную ответственность за управление предприятиями и всем народным хозяйством. В январе 1918 года он выступил на Всероссийском Съезде Профсоюза рабочих-металлистов:

“Мы старались отодвинуть во многих случаях момент полного управления предприятиями и ограничиться лишь контролем. Но все наши старания ни к чему не приводили. При нынешней ситуации ни одна из имеющихся сил не может, а иногда и не желает, вести хозяйство... Теперь один выход остался: либо вперед, либо потонуть. Нам нужно отбросить мысль о рабочем контроле и волей неволей переходить к системе полного управления предприятиями и руководства хозяйством страны”.

В брошюре, озаглавленной “От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии”, опубликованной в 1918 году, И.Степанов обрисовал внутреннюю динамику ситуации, которая привела рабочих ко второй, социальной революции:

“Условия были такими, что фабзавкомы стали полными хозяевами на предприятиях. Это было результатом всего развития нашей революции, неизбежным результатом разворачивающейся классовой борьбы. Пролетариат не столько шел к этому, сколько его вели обстоятельства. Ему просто надо было делать то, что в данной ситуации невозможно было не делать”.

Но, продолжал автор, слишком долго рабочие идут к настоящему регулированию. Фабзавкомы во многих аспектах своей деятельности являются преемниками капиталистов - они смотрят прежде всего с точки зрения собственного предприятия. Конечно, естественно, чтобы они видели свою первую задачу в

том, чтобы помочь рабочим данного предприятия пережить эти тяжелые времена. Но такие меры нас уводят дальше от сознательного, планомерного регулирования. Они часто еще больше усложняют положение рабочих в период тяжелейшего экономического кризиса.

Нужны решительные меры на общегосударственном уровне, и *“каким бы ужасным это ни показалось многим, это значит полное устранение капиталистов от дел. Да, “социалистические эксперименты”, как усмеваются наши противники. Да, и надо сказать: то, что теперь приходится делать рабочему классу России, есть устранение капитализма и воссоздание всего хозяйства на новых социалистических основах. Это не “фантастическая теория” и не “свободная воля” — у нас нет выбора. И поскольку это делается рабочим классом и капиталисты устраняются в курсе революционной борьбы, это должно быть социалистическим регулированием.*

Это надо осознать и сказать прямо. Тогда то, что мы до сих пор делали вынуждено, с недопустимой растратой сил и времени, мы будем делать сознательно, планомерно, дальше заглядывая вперед...

Будет ли это еще одна Парижская Коммуна [которая была подавлена в крови буржуазной контрреволюцией - ДМ] или приведет это к мировому социализму - это зависит от международных обстоятельств. Но у нас нет абсолютно другого выбора”.

Меньшевик Суханов, суровый критик новой власти, пришел к подобному же заключению в своих воспоминаниях о революции, опубликованных в 1922 году:

“Сама по себе власть изолированного пролетарского авангарда, даже если она опиралась на доверие многомиллионных масс, обязывала новое правительство и самих большевиков выполнять задачи, для них явно не по силам. Вот где был центр проблемы”.

Настоящая трагедия заключалась в том, что к тому времени, когда появилась брошюра Степанова, в Петрограде

мало что уже осталось, чем рабочие могли бы управлять. С 1 января до 1 мая 1918 года число занятых в промышленности сократилось с 339641 до 142915 человек. (В начале 1917 года было 406000 занятых.) В металлообрабатывающей промышленности сокращение рабочей силы было еще более резким: от 198000 на 1 января 1918 года до 58000 на 1 мая 1918 года. (В начале января 1917 года было 250000 занятых рабочих-металлистов). Но на этом спад занятости не остановился. К 1 сентября 1918 года в Петрограде в условиях усиливающегося голода осталось лишь 120000 занятых в промышленности, из них только 46000 рабочих-металлистов. Последние всегда составляли самый сознательный и боевой отряд рабочего движения.

В июне 1918 года в условиях ускоряющегося экономического краха и военной контрреволюции, поддерживаемой иностранными интервентами (чуть ли не все развитые капиталистические государства, да и немало неразвитых, посылали войска и материальную помощь против Советов), правительство издало Декрет о национализации. Декрет предусматривал создание комитетов по управлению предприятиями, состоящих на одну треть из избранных рабочими представителей и на две трети из назначенных Советом народного хозяйства. А рабочий контроль, как таковой, был сведен к надзору.

Чрезвычайное положение, созданное военным и экономическим кризисами (с середины 1918 года до начала 1921 года судьба советской власти часто висела на волоске), приводило ко все большей централизации государственного и экономического управления. Из-за этих же кризисов произошло резкое ослабление рабочего класса как независимой политической силы. В конце концов, рабочие потеряли контроль над государством, которое они сами создали и которому поручили управление расшатанной экономикой. Это случилось не столько из-за жажды власти новыми большевистскими лидерами, сколько из-за собственной неспособности рабочих в

существующих условиях эффективно контролировать государство.

Но даже в условиях Гражданской войны эта проблема открыто и страстно обсуждалась. В частности, Рабочая оппозиция, фракция внутри Коммунистической партии, возглавляемая бывшим петербургским рабочим-металлистом А.Шляпниковым, боролась за укрепление роли рабочих в управлении экономикой. Но в существующем чрезвычайном положении большинство членов партии не видело альтернативы авторитарному централизму. Это считалось лишь временным отклонением, которое будет исправлено, как только закончится чрезвычайное положение.

Но так не случилось. К концу Гражданской войны лишь одна седьмая часть довоенной промышленности еще работала, а рабочий класс, который вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы и лишений, был рассеян по огромной стране. Он был не в состоянии противостоять подъему новой государственной и партийной бюрократии, которая постепенно заполняла собой пустующее политическое пространство, оставленное рабочими. И те меры, которые сначала были введены как временные и чрезвычайные, с течением времени, особенно после прихода к власти во второй половине 1920-х годов И.Сталина, лидера слоя партийно-государственных функционеров, возведены были в идеал и изображались самым подлинным воплощением социализма.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Это не “фантастическая теория” и не “свободная воля” - у нас нет выбора»

Это утверждение Степанова в 1918 году отражало взгляд “снизу” на ситуацию. Это очень далеко от того, как нынешние идеологи “шокового” перехода к капитализму за счет народа изображают Октябрьскую революцию. Эти буржуазные идеологи (многие из которых еще не так давно умудрялись оправдывать любую политику старой тоталитарной власти) изображают Октябрь именно как фантастический эксперимент над народом, проведенный кучкой властолюбивых фанатиков.

В этой работе я попытался показать на основе исторических документов, как рядовые рабочие и их представители в фабзавкомах воспринимали революцию. Вывод довольно простой: рабочие поддержали Октябрьскую революцию и участвовали в ней (в этом нет сомнений - стоит только взглянуть на итоги выборов в Советы всех промышленных центров), потому что видели в этой революции единственный способ защитить завоевания Февральской буржуазно-демократической революции от угрозы контрреволюции, активно поддерживаемой имущими классами и Временным правительством.

Переход от буржуазно-демократической к социалистической революции не был результатом идеологической обработки рабочих. Он также не был, говоря словами Пушкина,

“бессмысленным и беспощадным бунтом” одуревших масс. Революционный процесс 1917 года среди рабочих был сугубо рациональным.

Октябрьская революция не была ни случайностью, ни результатом ошибок буржуазных политиков, ни тем более результатом какой-то их демократической “мягкости”. Октябрьская революция корнями своими уходила глубоко в дореволюционное российское общество.

Еще задолго до Октябрьской революции, в 1906 году, анализируя опыт революции 1905-го года, Л.Троцкий, который был председателем Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 году, заключил, что демократическая революция, возглавляемая рабочим движением, не сможет ограничиться буржуазными рамками:

“... Став у власти, пролетариат откроет новую эпоху – эпоху революционного законодательства, положительной политики ...

Рабочему правительству придется – под влиянием непосредственных толчков и запросов – вмешиваться решительно во все отношения и явления ...

... Раз власть находится в руках революционного правительства с социалистическим большинством, как тотчас же различие между минимальной [буржуазно-демократической - ДМ] и максимальной [социалистической - ДМ] программой теряет и принципиальное, и непосредственно-практическое значение. Удержаться в рамках этого разграничения пролетарское правительство никоим образом не сможет. Возьмем требование 8-часового рабочего дня. Оно, как известно, отнюдь не противоречит капиталистическим отношениям... Но представим себе картину его реального проведения в революционный период при напряжении всех социальных страстей. Несомненно, новый закон натолкнется бы на организованное и упорное сопротивление капиталистов – скажем, в форме локаута и закрытия фабрик и заводов.

Сотни тысяч рабочих оказались бы выброшенными на [улицу]. ...

Для рабочего правительства выход будет только один: экспроприация закрытых фабрик и заводов и организация на них работ за общественный счет.

Еще пример. Пролетариат у власти не сможет не принять самых энергичных мер для решения вопроса о безработице

*Этим будет сразу совершено огромное перемещение экономической силы в сторону пролетариата. Капиталисты, давление которых на пролетариат всегда опиралось на факт существования резервной армии, почувствуют себя экономически бессильными, а революционное правительство обречет их в то же время на **политическое** бессилие. ...*

Фабрикантам не останется ничего другого, как прибегнуть к локауту, то есть закрытию фабрик. Совершенно ясно, что фабриканты дольше выдержат приостановку производства, чем рабочие, и рабочему правительству на массовый локаут останется только один ответ: экспроприация фабрик и введение в них – по крайней мере, в крупнейших – государственного или коммунального производства”.

Этот анализ выражал “максималистические” выводы, к которым пришел значительный слой рабочих в 1906-1907 гг. на основе собственного опыта. Опыт классовой борьбы периода подъема 1912-1914 гг. еще больше усилил эти взгляды.

Корни социально-политических процессов, которые привели ко второй революции в 1917 году, таятся в самой природе дореволюционного общества. Это было общество на пути к индустриализации, но все еще отсталое общество; общество с политически сильным, но сравнительно малочисленным рабочим классом, который вскоре встал во главе демократического движения. Обратной стороной медали были экономическая слабость и политическое малодушие буржуазии. Она слишком зависела от самодержавного государства, слишком

боялась оставаться наедине с рабочим движением без поддержки репрессивного аппарата царизма, чтобы примириться с демократической революцией, уже не говоря о том, чтобы самой ее возглавить.

Опыт 1905 года уже доказал это. Осенью этого года в ответ на кампанию за введение восьмичасового рабочего дня буржуазия, испуганная “социальным” поворотом революции и размахом рабочего движения, объединилась с властями в проведении массового локаута в столице. Этот удар послужил началом поражения революции.

Когда в 1912 году начался новый подъем рабочего движения, иллюзий об общих демократических интересах рабочих и буржуазии уже не было. С одной стороны, хозяева тесно сотрудничали с властями в подавлении как политических, так и экономических забастовок. С другой стороны, рабочие стали вести свою борьбу одновременно против самодержавия и против промышленников - экономические и политические забастовки слились в одно. Характерным требованием рабочих в этот период было “вежливое обращение” со стороны заводской администрации. Характерно, что это требование, которое выражало человеческое и классовое достоинство трудящихся того времени, власти считали политическим.

Причину экспроприации частных владельцев и национализации промышленности в 1918 году следует искать не в каких-то утопических стремлениях, ошибочно приписанных рабочим, ни в “волюнтаризме” большевистских лидеров, а в непреклонной решимости рядовых рабочих защитить свои предприятия и спасти свою революцию. В то же время они не предавались иллюзиям о своих возможностях в отсталой, преимущественно крестьянской стране. Они знали, что обстоятельства против них и что, наверное, их ожидает поражение, если не придет помощь от революционных движений развитого Запада. Если рабочие все-таки пошли на вторую, социалистическую революцию, то только потому, что не видели для себя другого выхода. Эта позиция ясно и

неоднократно звучала на рабочих собраниях второй половины 1917 года. Ее выражал, например, рабочий Завода беспроволочных телеграфов и телефонов на конференции фабзавкомов:

“Буржуазия вполне понимает свое положение и высказала это вполне определенно словами Рябушинского, сказавшего, что нужно подождать, пока голод возьмет за горло рабочий класс и уничтожит все его завоевания. Но пока они схватят за горло, мы еще поборемся, и если мы погибнем, то в честном бою, а от своей борьбы не откажемся”.

Таковы были взгляды и настроения рабочих в 1917 году. Сегодня, на основе опыта последующих лет, трудящимся можно, да и нужно судить, правильно ли размышляли и поступали их предки. Но для этого надо сначала знать, как они на самом деле размышляли и поступали. Цель настоящей брошюры - помочь трудящимся узнать об этом.